

ОЛЬГА БРЮС

ПРОСТИ, БРАТ

Ольга Брюс

Прости, брат

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68312954
ISBN 9785005908537*

Аннотация

Два брата и такие разные. Один создал семью, посадил дерево, вырастил сына. Второй вовлёл жену брата в секту и заставил отказаться от семьи, продать дом и исчезнуть из жизни. И только смертельная болезнь расставит всё по своим местам. Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	20
Глава 3	29
Глава 4	75
Конец ознакомительного фрагмента.	86

Прости, брат

Ольга Брюс

© Ольга Брюс, 2022

ISBN 978-5-0059-0853-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Такси остановилось у дверей родильного дома, и Коля, взявшись за холодную ручку, дал команду выходить. Валентина Анатольевна поспешила покинуть тесное авто вместе со старшим внуком Алёшей, который категорически отказывался ехать забирать новорожденного брата. Насупившись, Алёша вышел из салона вслед за бабушкой и недовольно поволочил ноги навстречу орущему комочку «счастья», как называет в последнее время бабуля всех только что прибывших малюток в этот мир.

– Меня подождите! – крикнул Николай, с трудом вылезая из жигулей.

– Быстрее, а то заметёт! – ответила прищурившаяся тёща, держа мальчика за руку.

Именно сегодня поднялась жуткая метель, как некстати. Все дни с первого числа стояла тихая, безветренная погода, а сегодня, в день выписки, на улице началась настоящая пурга с заносами. Страшно было ехать по трассе в районный роддом из-за плохой видимости и непролазного пути, но такси в умелых руках домчало до города без происшествий.

Николай подошёл к тёще, улыбнулся и открыл тяжёлую металлическую дверь, вопреки порывистому ветру. Пропустил родственников вперёд и вошёл следом. Таксист остался ждать, как было договорено с самого начала. В холле народу

немного: волнующиеся молодые отцы, снующие туда-сюда, бродили по небольшому помещению, как тени, их виноватые улыбки выдавали, что они стали отцами впервые и с огромным трепетом ждут первую встречу со своими малышами. Коля снял с себя пальто, помог раздеться тётке, перекинул через руку верхнюю одежду и подмигнул Алёше, чтобы подбодрить:

– Радуетесь?

– Чему? – расстегнув пуговицы куртки, мальчик плюхнулся на жестковатую банкетку и окинул коротким взглядом «мучеников».

– Шапку сними, – бабушка сделала бесячее телодвижение – схватила за середину ушанки, подняла её и сунула в руки обиженного Алёши. – Вспотеешь, – добавила строгим голосом, присев рядом на потёртое сиденье, обтянутое дерматином.

– Ну скоро они там? – нетерпеливость зятя немного нервировала Валентину Анатольевну.

– Сядь, не мельтеши, – одёрнув Колю, повернула голову на белую дверь, откуда выносят малюток, завёрнутых в ватные одеяла.

Николай, переминаясь с ноги на ногу, искоса поглядывал на таких же суетливых мужчин, как и он сам, и игриво цокал языком, чтобы хоть как-то успокоиться и скоротать время.

– Прекрати, – у раздражённой тётки сдавали нервы, – то Лёшка, теперь вот – ты...

– Волнуюсь, – виновато признался Коля и занял свободное место рядом с любимой тётшей.

– Представь себе, я тоже, – съязвила Валентина Анатольевна, не спуская глаз с нужной двери. – Но не бегаю ведь по всему коридору... Сиди спокойно, скоро выйдут.

Заветная дверь открылась, и в проёме появилась улыбающаяся, грузная медсестра с пухлым свёртком в руках. Коля на радостях вскочил на ноги и тут же, разочаровавшись, сел обратно.

– Не наши, – сказал вполголоса, увидев за широкими плечами чужую жену.

Валентина Анатольевна с укором взглянула на торопливого зятя и с сожалением вздохнула.

– Торопыга, – сложив губы бантиком, с завистью посмотрела на пухлые руки низкорослой медсестры.

– Вторая точно будет Ирина, – загадал Коля вслух, глядя на счастливого черноволосого отца, принимавшего своего сына... а может, и дочь от медсестры.

Закончив свою миссию, медсестра вернулась в комнату и с треском закрыла дверь. Николая передёрнуло. Тёща вела себя довольно-таки невозмутимо, но её сердце билось всё сильнее, волнение нарастало с каждой минутой томительного ожидания. Она искусно скрывала своё смятение, чтобы лишний раз не тревожить и без того обеспокоенного скорой встречей с новорожденным сыном зятя.

Через пять минут ожидания на пороге запретной комна-

ты, куда нельзя входить никому, кроме медицинского персонала, появилась исхудавшая Ирина вместе той же улыбчивой женщиной.

– Чего расселся? – прошептала тёща, ткнув Николая локтем. – Иди, встречай.

Не помня себя, Коля сунул в руки Валентины верхнюю одежду и кинулся к любимой, споткнувшись о длинный пояс пальто.

– Безрукий, – буркнула себе под нос Валя, приподнимаясь с насиженного места.

Подскочив к медсестре, Коля осторожно взял из её крепких рук, в которых побывало за многие годы больше сотни новорожденных ребятишек, и прижал к груди сопящий с закрытыми глазами комочек, затем аккуратно оттопырил уголок, прикрывающий нежное личико розового мальчонки.

– Стасик, – произнесся дрожащим голосом имя, украдкой смахнул слезу под правым глазом.

– Для начала жену поцелуй, – строго сказала тёща, выглядывая из-за плеча Николая. – И не дыши на него – не дай Бог заразишь чем-нибудь.

– Мам, перестань, – Ира вступилась за мужа. Приблизившись к нему, положила руку на свёрток и посмотрела на малыша, будто видит его впервые.

Заметив, что старшего сына нет рядом, поискала глазами и, найдя его сидящим у окна, поманила рукой.

– Иди сюда, сынок, посмотри.

Алёша не шелохнулся и не сдвинулся с места. Насупившись, раздул ноздри и часто дышал, показывая недовольным видом свою детскую злость и обиду на родителей.

– Иди, Алёшенька, – подозвала мама ласковым голосом.

– Я домой хочу, – глаза мальчишки были полны слёз отчаяния.

И кто их просил о втором ребёнке? Зачем они согласились взять в этой больнице мальчика? Им Алёши мало? И надо же, мама пробыла здесь почти две недели, выбирала, наверное, самого лучшего... Лучше, чем Алёша...

– Я никому не нужен, – всхлипнул надутый мальчик и ещё ниже наклонился, чтобы никто не видел его слёз.

– Алёшенька, – Ирина подошла к сыну и присела на корточки, заглядывая в его покрасневшее лицо, – сыночек, ты плачешь?

– Нет, – пробурчал он, закрыв лицо руками.

– Пойдём, вместе посмотрим на маленького... – мама аккуратно убрала руки Алёши.

В его глазах было столько горя, что материнское сердце сжалось и чуть не взревело при виде расстроенного старшего сына. Обняв Алёшу, Ира всплакнула и медленно прошептала прямо в его ухо:

– Я очень сильно люблю тебя, – Ира поняла, в чём причина. – Вы у меня самые любимые мальчишки: ты и...

– А за что ты его любишь? – слёзы хлынули градом, и Алёша ещё сильнее прижался носом в плечо мамы. Его охрип-

ший от обиды голос задрожал, а маленькие пальцы вцепились в вязаную кофту, пронзая кожу, – чем он тебе понравился?

– Всем. Он напомнил мне тебя, когда ты был точно таким же, крохотным, – прошептала Ира и отпрянула, нежно улыбнувшись, – вы оба мои дети, мои сыновья, мои и папы. И мы будем любить вас одинаково.

– Честно-честно? – в груди Алёши стало теплее от маминых слов. – Обещаешь?

– Клянусь, – ответила Ира и поднялась на ноги. – Пойдём, нам уже пора ехать.

Помогла застегнуть куртку, взяла сына за руку и подвела к папе.

– Посмотри, как вы похожи, – Николай присел, чтобы Алёше было видно.

Встав на цыпочки, Алёша вытянул шею и заглянул в складки одеяла. Из огромного свёртка на него смотрели малюсенькие чёрные глазёнки, утопающие в опухших с синевой веках. Пухлые, покрасневшие щёки были похожи на два мешочка, как у хомяка из мультика, когда тот набивает свой зубастый рот спелым зерном, а губы, как две линеечки – узкие-узкие, еле-еле шевелящиеся.

«Наверное, этот мальчик хочет что-то сказать», – подумал Алёша и наклонил голову пониже.

– Не дыши на него, – строгая бабушка была в своём репертуаре. – Отодвинься.

Валентина Анатольевна одной рукой застёгивала пальто, а другой держала сумку Ирины, в которой лежала сменная одежда.

– Пора собираться, Михалыч долго ждать не может, – сказал Николай и передал новорожденного жене. – Ехать не близко, дорогу замело, – предупредил Ирину заранее.

Забрал с банкетки пальто, надел и первым вышел на улицу. Таксист ждал чуть поодаль, чтобы не мешать проезду. Заметив в зеркале заднего вида вышедших из роддома знакомых, сдал назад.

– Я с ребёнком поеду сзади, – утвердительно сказала бабушка и глазами показала зятю на ручку дверцы.

Николай сразу понял намёк и открыл дверь. Покряхтывая, Валентина залезла на сидение и подвинулась, чтобы смогли сесть и остальные. Посередине уселся Алёша, а затем – Ирина. Коля занял переднее пассажирское. С грохотом захлопнув дверь, сразу обернулся.

– Ну, тише ты! – прошипела тёща, прикрывая уголком личико младенца. – Напугаешь.

Моргнув позади сидящим, Коля смущённо отвернулся и завёл незамысловатый разговор с водителем.

– Вечером давай к нам, ножки обмоем, – расстегнул пальто. – Десять дней уже прошло, а мы так и не отпраздновали.

– Я тебе обмою, – рявкнула Валентина, покачнувшись от начавшегося движения авто. – Сорок дней чтоб никого в доме не было, иначе сглазят.

– Валентина Анатольевна, это предрассудки, – возразил Николай, ухватившись за верхнюю ручку для опоры.

– Не гневи Бога, Коленька, «предрассудки», как ты говоришь, никому ещё ничего плохого не сделали.

Усмехнувшись про себя, Коля уставился на дорогу, чтобы не спорить с «опытной» тещей, которая уверена в правдивости всех существующих примет, которые она только знает.

Ехали долго. Пурга не прекращалась ни на минуту, занося трассу снежными завалами. Видимость нулевая. От города до села Вербное почти час езды, но сегодня... Больше двух часов со скоростью около шестидесяти километров в час.

– Вот и приехали. Слава тебе Господи! – с облегчением воскликнула Валентина Анатольевна, пытаясь открыть заклинившую дверь стареньких жигулей. – И захочешь – не выйдешь, – тревожно прошептала она, дёргая на себя ручку.

Михалыч, выйдя из машины, помог открыть дверь и подал руку пожилой женщине.

– Да ну тебя, – смущённо сказала Валя, выбираясь из душного салона и придерживая живой кулёк. – Что я, девочка, что ли?

– Я помочь хотел, – опешил водитель, отодвинувшись в сторону.

– Я ещё не такая и старая, чтобы мне помогать, – недовольно произнесла женщина, расхаживая замлевшие ноги. –

И машина у тебя... – с негодованием посмотрела на Михалыча, а затем – на старенький жигуль, – гроб, ей-богу. Там и то попросторнее будет.

– А Вы откуда знаете? – расхохотался Коля, выставив ноги на свежий снег. Ботинки сразу провалились на сантиметров пять, намочив низ штанин единственных брюк, предназначенных для выхода в люди. – Ну вот, – вышел и оценил снежные завалы вокруг дома. – Неделя уйдёт на уборку.

– Если не валяться на диване – и за один день можно управиться, – сующая во всё мирское огромный нос с омерзительной, выпуклой бородавкой, Валентина поспешила в дом, дабы не застудить мальчонку. – Калитку мне кто-нибудь откройте! – крикнула она, когда не смогла дотянуться до деревянной щеколды.

На помощь прибежали Ира и Алёша. Открыв маме калитку, Ирина хотела забрать ребёнка, но она не позволила.

– Лучше мне дверь в дом откройте, – прижала к себе сонного внука. – Старый хрыч спит, наверное. Хоть бы в окно посмотрел, бестолочь.

Это она так о муже отзывалась, который рвался поехать в роддом, но его не взяли, потому что места в машине и так мало.

Через минуту новый член семьи уже лежал на диване в развёрнутом виде и с вытаращенными чёрными глазами, раскинув неуправляемые ручонки, пальцы которых произвольно то оттопыривались, то складывались в кулачок,

в стороны.

– А у него зубы есть? – не успев переодеться, Алёша присел с краю дивана и потянулся к братику, чтобы заглянуть в открытый рот.

– Не трожь! – грубо одёрнув ребёнка, бабушка оттолкнула Алёшу и заняла его место. – Руки надо помыть.

Алёша послушно отправился в кухню – мыть руки после улицы.

– Мам, что ты его шпыняешь? Потрогал бы, ничего страшного, – ощупывая левую грудь, Ирина не сводила глаз с пухленького малыша. – Кормить пора, – приготовилась взять ребёнка и унести в другую комнату, чтобы покормить, но бабушка и тут встряла.

– Сначала обмыть надо, – неаккуратно подхватив полуголого мальчонку, отпрыгнула в сторону, – неизвестно ещё, какие руки его там трогали.

– Там всё стерильно, – убедительно сказала Ира, – роддом всё-таки.

– Ага, а помнишь, как Алёшку из-за кокка не выписали, и тебе пришлось остаться там ещё на недели две?

– К чему ты это? Не «кокк», а стафилококк, – поправила привередливую маму спокойным тоном, чтобы не завязался пустой спор. – Отдай Валеру, и мы пойдём кушать.

– Какого ещё Валеру? – сделав шаг назад, мама выпучила глаза на непослушную дочь. – Мы с Колей договорились, что мальчика будем звать Стасиком.

– Вот вы и зовите, а родила я Валеру, – сквозь зубы проговорила Ирина, сдерживаясь, чтобы не начать ссору первой.

Забрала у матери сына и ушла в соседнюю комнату. В это время в дом вошёл Денис Михайлович, муж Валентины. Он нерасторопно снял валенки, потихоньку, двумя пальцами, поставил их у печи и так же осторожно расстегнул фufайку.

– Дед, привет! – радостно воскликнул Алёша, закрывая кран умывальника. – А мы маленького привезли!

– Т-с-с, – приложив к губам пожелтевший от самокруток палец, Денис покачнулся, потеряв равновесие, и упал спиной на дверь, которую закрыл неплотно.

С грохотом вывалился в сени и жалобно застонал.

– Алёшка! Ты что там учудил? – бабуля поспешила отругать несносного мальчишку, который то и дело проказничает, разбивая посуду или вываливая еду из кастрюли.

Алёша утверждает, что все пакости делает не нарочно, но строгую бабушку это не волнует. Не верит она в случайности, корит пацанёнка за «дырявые руки», «раннюю глухоту», и «тупость, приобретённую, благодаря отцовским генам».

– Опять что-то расколотил? – выскочила в кухню и развела руками, уставившись на валяющегося на полу мужа. Ноги здесь, а тело – в сенях. – Здрасьте-пожалуйста. Давно не виделись. Ты почему дверь открытой оставил? Заходи, кто хочешь, бери, что надо, – сцепила пальцы рук на животе и выгнула спину.

– Я-я, это... – деду было не до расспросов. Он так ловко

треснулся головой о деревянный пол, что перед глазами за-
мерцали звёздочки. – К соседу ходил, – упираясь локтями
в дерево, попытался подняться, – за спичками...

– И? Принёс?

– Что? – с огромным трудом смог повернуться на бок.

– Спички, что?

– А-а... это... а Игната дома нет, – потёр затылок, сгруп-
пировался и попробовал сесть, но что-то явно мешало при-
нять вертикальное положение.

– А ну-ка, – сузив глаза и расцепив пальцы, Валентина
шагнула к мужу. – Пил? – положила руку на дверной косяк
и согнулась для более чёткого рассмотрения помятого лица.

Денис Михайлович заёрзал, изображая задыхающуюся
рыбу на берегу, закрутился, пряча бесстыжие глаза, которые
так и блестели от дозы принятого.

– Отойди, а то зашибу ненароком, – неожиданно встал
на колени, прикрывая дурно пахнущий рот трясущейся ла-
донью.

– Я тебе сейчас зашибу! – моментально вскипевшая жена
схватила наглого мужика за шиворот застиранного свитера
и с силой дёрнула вверх.

Слабенькое тело хилого мужичонка было поставлено
на ноги.

– Быстро домой! – ударив мужа ниже спины, Валенти-
на добавила хук коленом и затолкала его в кухню. – Спать!
Сейчас же спать на печку, иначе пеняй на себя! В доме ре-

бёнок, а ты налакался!

– Ой, привезли уже? – запамятовал Денис, зачем жена и зять уезжали в город. – Дай посмотреть.

– Я тебе посмотрю! Лезь наверх! – подвела его к невысокой лестнице, приставленной к печи. – И только попробуй мне высунуть свою рожу, – погрозила крупным кулаком, – сразу пойдёшь в сарай отсыпаться.

Загнав «полуживого» мужа на печь, Валентина приказала Алёше вести себя тихо: сесть в комнате на диван, смотреть телевизор без звука и молчать.

– Не дай Бог напугаешь Стасика – заикаться начнёт. Грех будет на твоей совести, что родного брата инвалидом сделал, – напустив на внука ещё больше страха после ругани на деда, бабуля пошла проверять малыша, спит или нет.

Осторожно поднявшись со скрипучего дивана, Алёша встал на цыпочки и медленно-медленно приблизился к телевизору, транслирующему чёрно-белые изображения. Выкрутил звук в обратную сторону и так же медленно, с осторожностью мыши, вернулся на прежнее место. Опускаясь на жёсткий диван, ухватился за подлокотник, чтобы эта старая развалюха не затрещала, как ржавые ворота у соседа дяди Игната. И надо же, удалось сесть беззвучно. Какая радость! Теперь не попадёт от бабули, и можно спокойно смотреть мультики.

– Уф-ф, – мышцы всего тела расслабились, отпуская судорожное напряжение.

Дышать стало легче, и сердце перестало бешено колотиться.

– Ириша, – бабуля с минуту стояла у двери спальни и прислушивалась к пустой тишине. – Вы там не уснули?

Не дожидаясь ответа, Валя приоткрыла дверь и уставилась правым глазом в узкую щель.

– Доченька, как там Стасик? Уснул? – ох, как не терпелось взять на руки и потискать маленького карапуза. Давненько Валентина не наслаждалась молочным запахом младенца, не слышала его звонкий смех вперемешку с журчащим воркованием.

– Ещё раз назовёшь его Стасиком... – Ирина начала нервничать, перекладывая уснувшего сына на кровать.

– Ты не злись, а думай о его здоровье. И психи свои брось – молоко пропадёт, – Валя вошла в комнату, аккуратно прикрыла дверь, чтобы не разбудить мальчонку. – Ой, какой же он прехорошенький! – всплеснула руками.

– Его будут звать Валерой, и точка, – Ирина нервно застёгивала кофточку. – А где Коля?

– А мне откуда знать? Не пришёл ещё, – присев на край кровати, мать протянула руки к сопящему малышу.

– Не трогай. Не приучай к рукам, а то намучаюсь, как с Алёшей, – предупредила Ира.

– Твой Алёшка в Колькину породу, а этот, – бабушка осторожно провела ладонью по пульсирующему животу, – а этот – в нас. Вон, какой носик, бровки, губки... – умиля-

лась любуясь, любуясь внучком. — Чисто наш. Ой, как на деда-то похож! — вновь воскликнула пожилая женщина и приложила ладонь ко рту. — Ну, вылитый дед Толя.

— На папу он похож, — Ирина стояла у двери и собиралась уже выходить. — Надо Коле сказать, чтобы кроватку собрал.

— Ой, а мы и забыли... Ты иди, а я посторожу.

— На руки не бери, — строго сказала Ира, выходя за дверь.

— Ну как тут не взять? — прослезилась Валя, чувствуя прилив эмоций. — Он же такой беспомощный. Ему тепло человеческое нужно.

Не послушав дочь, подняла внука, прижала к груди и заходила по комнате, напевая колыбельную. Мол, пусть приывает к бабушкиному голосу с младенчества.

Глава 2

Лето.

– Алёшка! – во двор забежала Валентина Анатольевна, размахивая руками. Вся вспотевшая, запыхавшаяся и очень озабоченная. – Алёшка, чтоб тебя за ногу! Ты где есть?

Подбежала к крыльцу и поставила правую ногу на первую ступеньку, чтобы отдышаться.

– Ой, батюшки, уморилась, – хватая ртом тёплый летний воздух, положила руки на колено. – Ты где? Вот я сейчас тебя, как Сидорову козу... И малого за собой поволок!

С трудом взобралась на крыльцо, скинула калоши и в одних носках побежала внутрь.

– Я что тебе сказала, а? Никуда не ходить! Отлучилась всего на пятнадцать минут, в магазин сходить, а тебя уже возле речки видели!

Неистово вопила и заглядывала в каждую комнату.

– Ну, паразит! Ну, зараза такая! Отец с матерью на работе, а он шляется где-то!

Не найдя внуков в доме, поторопилась в огород – мало ли, в клубнике засиделся. Но и там Алёши и Валеры не было.

– Ой, Матерь Божья, куда ж вы подевались?! – сквозь слёзы прошептала бабушка, надеясь, что внуки где-то рядом. – Не дай Бог действительно на речку мальчонку потащил...

– Анатольевна! – кто-то позвал Валю с другой стороны

дома. — Ты где?

— Ой, — вполголоса проговорила Валентина, облокотившись на покосившийся забор огорода. — Не до тебя сейчас, Григорьевна. Иди, куда шла.

Вытирая слёзы, присела на крыльцо, приложив руку к груди. Сердце не на месте, и куда этот прохвост мог уйти с маленьким мальчиком? На речке его нет, в доме тоже...

— Анатољевна, — тощая женщина с полной сумкой в руке явно куда-то торопилась, поэтому не заходила во двор. — Беги к Кобылкиным! Там у них милиция и скорая! Говорят, твой Алёшка что-то натворил!

— Как скорая? — закатив глаза, Валя сжала ткань ситцевого халата и закусилa губу. — Неужели с Валерой худо?

Не думая о старшем внуке и не закрыв дверь дома, оставила пакет с хлебом на крыльце и, молясь Богу за здоровье Валерочки, быстрым шагом кинулась к калитке. Григорьевны на дороге уже не было. Опомнившись, что выбежала босиком, вернулась, натянула калоши, подпёрла дверь черенком лопаты, чтобы никто не вошёл. Охая и ахая, напуганная женщина спешила к Кобылкиным спасать любимого полугодовалого внука и как следует отругать старшего, десятилетнего «бóрова», а ещё надавать подзатыльников, чтобы впредь думал, как увозить ребёнка от дома и проказничать в чужом дворе, подвергая Валерочку опасностям.

Не разбираясь, кто прав, кто виноват, бабуля подлетела к Алёше, приметив его сивый затылок в толпе зевак, и по-

доброму отвесила леща всей увесистой пятернёй.

– Ай! – взвизгнул мальчонка от неожиданного крепкого шлепка. – Больно!

– Ты где Вале... оста...? – задыхалась бабушка от волнения и беготни, размахивая руками. – Тебе кто разреш... со двора вых...?! Где он, я спраш...? Это его в скор... заб...?

Протиснувшись сквозь молчаливых разновозрастных зевак, переволновавшаяся Валя сначала постучала в заднюю дверь «буханки», а потом – в водительскую. Мужчина в серой кепке опустил окно и, не поворачивая головы, спросил, что ей нужно.

– Это за ребён... приех..., да? За Валер ...? – тараторила осипшим голосом, хватая воздух ртом так быстро, что опустила окончания слов и не заметила этого.

– Поме-едленней, я Вас не понимаю.

Солнце припекало через лобовое стекло, поэтому разморенный, полусонный мужчина отвечал неохотно, ожидая врача с пациентом, чтобы побыстрее вернуться в районную больницу. Валя стояла перед машиной с открытым ртом, пытаясь что-то объяснить засыпающему мужчине, но заплетающийся язык ещё больше сбил с толку. Люди, человек десять-двенадцать, наблюдающие за немой сценой, не могли понять, зачем бабка Фроловых прибежала, наорала, стукнула внука, а теперь пытается поскандальить с водителем скорой? В селе Вербное, как и в любом другом, все всё знают друг о друге: кто что сказал, куда поехал, кому продал, сколь-

ко выручил – полную подноготную. Вот и о Валентине Анатольевне ходили разноразные слухи, которым многие жители села не верили, а теперь сами убедились, какая она на самом деле – жёсткая и скандальная.

– Не думала я, что Валька такая стерва, – незаметно ткнув подругу локтем, грудастая женщина лет шестидесяти поглядывала на Анатольевну. – Мальца обидела, теперь до мужика докопалась. Пьяная, что ли?

– А может, и пьёт, – полушёпотом ответила подруга низенького роста, шелкая семечки и сплёвывая шелуху на дорогу. – Наташ, а с чего ж она вдруг на всех нападает? До этого в магазине с Нинкой поругалась, мол, та ей сдачу недодала, а на самом деле выяснилось, что монетка в сумку упала...

– М-да, не повезло Кольке с тётцей, – широкая грудь Натальи вздымалась при каждом глубоком вдохе и медленно опускалась при выдохе. – Да и Алёшке тоже... Так-то она женщина не плохая, да больно сравнивать со своей породой любит. Когда Валерка родился, она его так сладко описывала, что я уж подумала, что это не парень, а девка, – хихикнула тихонько, приложив руку ко рту, чтобы никто не услышал.

– Это она любит – хвалиться.

Алёша слышал каждое слово двух толстых подруг и смотрел на бабушку исподлобья, сжимая кулаки от злости. Он злился не на этих двух пухлых сплетниц, а именно на болтливую бабулю – за её неземную любовь к Валерочке, безудержное хвастовство и частое противное высказывание вечера-

ми: любимый Валерочка будет самым умным, воспитанным и одарённым, а Алёшка – весь в батьку: будущий выпивоха и разгильдяй, не имеющий своего слова и мозгов под кепкой.

Алёша краснел и раздражался, впитывая в себя все «преlestи» бабушкиных разговоров и всё больше ненавидел младшего брата. Лучше бы его не привозили, а оставили там, в больнице. Может, кто-нибудь другой и забрал бы себе «самого лучшего мальчика в мире», чтобы он не появлялся в доме, где уже больше десяти лет живёт Алёша, к которому раньше бабушка относилась намного добрее.

Пока Валентина выжимала из себя членораздельные звуки перед сонным водителем, из дома Кобылкиных вышел мужчина в белом халате в сопровождении соседских помощников, несущих на носилках полуживого Андрея Ивановича. Он лежал с открытым ртом и посиневшими губами, полуприкрытые глаза были неподвижны, покрасневшее лицо покрывлось испариной. Следом за носилками выбежала заплаканная Марина Степановна, держа в трясущихся руках сумку, поверх которой лежало махровое полотенце.

– Ой, батюшки! – запричитали соседи, увидев Андрея на носилках. – Ой, горе-то какое! Жив, нет?

– Не жилец, – сделал вывод Илья Афанасьевич, докуривая посеревшую от дыма «козью ножку». – Пить надо меньше.

– Кто бы говорил, – с укором сказала грудастая Наталья, посмотрев на высохшего старика в помятой рубашке без по-

следних трёх пуговиц. – Сам-то давно в завязке?

– А это не твоего ума дело, – плюнув на красный уголёк, Илья Афанасьевич затёр остаток папироски о подошву калоши и бросил на обочину.

Мужчины с носилками встали позади машины, дожидаясь, когда им откроют дверь. Доктор дёрнул ручку, распахнул «ворота» и попросил всех разойтись, чтобы не мешать проезду. Народ расступился, не выпуская из виду теперь уже побледневшее лицо Андрея. Валентина стояла у водительской двери, сглатывая слюну и наблюдая за Мариной, которая прошла мимо и не поздоровалась. Мысли в голове Вали нещадно спутались: то ли соболеznовать бедной жене Кобылкина, то ли бросаться на внука и бесчувственную толпу, дабы добиться правды, куда подевался Валерочка.

Марина подошла к машине, передала доктору сумку, поблагодарила за помощь, а также высказала слова благодарности соседским мужьям и перекрестила в воздухе захлопнувшиеся двери. Водитель дождался, когда молодой врач сядет рядом, на пассажирское сиденье, и завёл мотор. «Буханка» развернулась и поехала по дороге вдоль обочины, поднимая дорожную пыль.

– Валечка, – шмыгая покрасневшим носом, Марина подошла к потерянной женщине. – Я так благодарна тебе и Ирочке за Алёшу, – взяла Валентину за плечи, поцеловала и расплакалась. – Если бы не он, моего б Анрюшеньки... – зажмурила глаза и затаила дыхание. После выдохнула, ещё раз

всхлипнула и прижалась всем телом к молчаливой Вале. – Он увидел Андриюшу на лужайке и побежал к соседям, а потом уж меня позвали... Валюшенька, я чуть со страха не померла, когда мужики его в дом тащили. Весь синий, хрипит...

– Пил? – неожиданно произнесла Валя, не подумавши.

– Конечно, нет. На солнышке перегрелся, пока доску стругал.

– А-а, – Валя стояла как вкопанная. Руки по швам, сама вытянулась в струну. – А Валера где?

– А он спит, Валечка. У нас, там, – махнув рукой на свой дом, вытерла слёзы. – Пойдём, я вас чаем напою.

– Марин! – любопытная толпа не хотела расходиться, не узнав все подробности о здоровье Андрея Ивановича. – Что врач-то сказал? Жить будет?

Марина повернула голову набок и зло посмотрела на противных зевак, затем взяла за руку Валю и повела в дом, чтобы напоить свежезаваренным чаем в благодарность за спасение мужа.

– Алёша! – вдруг остановилась у двери. – Иди сюда!

– Не нужен он здесь, пусть домой шагает, – громко сказала Валя, чтобы внук слышал и шёл туда, откуда было приказано не выходить.

Люди расходились, обсуждая случившееся, а Алёша, опустив голову, зашагал в сторону дома. Если бабушка не позвала чаёвничать – значит, точно от папки попадёт.

И действительно, поздно вечером рассерженная бабушка доложила Николаю о проказах несносного внука. Уставший после тяжёлого рабочего дня Николай отругал мальчика за провинность, не приняв в оправдание спасение Андрея Кобылкина. Целый час Алёша стоял в углу, как маленький, и злился на бабушку. Ирина же не вступалась за сына и не разбиралась, кто прав, кто виноват. Она с умилением смотрела на Валерочку, по которому успела сильно соскучиться, целовала его пухлые щёки, щекотала не менее пухлые бока и задорно смеялась вместе с ним.

– Всех вас ненавижу, – ковыряя пальцем цветастые обои, бормотал Алёша. – И Валерку вашего, и противную бабушку, и папку... – слёзы текли градом.

До глубины души было обидно за себя. Ну почему взрослые такие непонятливые? Почему маленьких любят больше, чем старших? Почему не слушают? Почему? Почему...

Душа десятилетнего мальчика плакала вместе с ним. Алёша всеми силами старался не реветь, но его маленькое и отзывчивое сердце сжималось от досады, вызывая горькие слёзы и частые всхлипывания.

– А будешь плакать – останешься без сладкого, – у бабушки были свои способы воспитания.

Она не терпела мужских соплей, слабости и нытья. Ей хотелось воспитывать внуков настоящими мужчинами, не то, что их отец – слабохарактерный тюфяк, которого она могла оскорбить не только за глаза, но и высказать всё, что наболе-

ло, прямо в лицо. Николай молча выслушивал и гасил в себе порывы ярости. И виной тому искренняя любовь к жене Иришке, которую он боготворил с первых дней знакомства, пока в их дом не переехали тёща и тесть.

Но через два года жизнь семьи Фроловых круто изменилась, и не в лучшую сторону.

Глава 3

Весна, 1992 год.

Валентина Анатольевна неторопливо двигалась по усадьбе вдоль борозд и бросала в неглубокие ямки по две картофелины, ругая при этом бестолкового мужа, который не шевелился, по её словам, а выкапывал углубления абы как, лишь бы побыстрее смыться к своему дружку Игнату и залить бесстыжие глаза. Изредка отвечая жене на её бессмысленные доводы, Денис Михайлович отбрёхивался, как мог, объясняя свою нерасторопность неважнецким состоянием здоровья, так как вчера он попал под проливной дождь и промок до нитки.

– Я же просил сто грамм для согрева, а ты не дала, – возразил взмокший от нелёгкого труда Денис, не попадая ногой на железное полотно лопаты. Калош соскальзывал и нервировал Валентину, ждущую следующую выемку, чтобы кинуть клубень.

– Ты и без ста грамм, как рохля, – брюзжала сердитая жена, подтягивая за собой ведро с семенной картошкой. – А если выпьешь, так вообще неспособным становишься. Копай быстрее, у меня уже руки отсохли.

– И зачем нам столько картошки? – недоумевал Денис, окидывая печальным взором размеры усадьбы. Благо осталось засеять всего половину. Смачно высморкавшись между

бороздами, вытер рукавом рубашки лицо и искоса посмотрел на жену, зная, что этот жест её доводит до белого каления.

Но, на его удивление, жена нисколько не поморщилась и не выдала что-то вроде: «Ты как свинья в навозе» или «Разбросался соплями, чучело огородное». Ничего из привычного не прозвучало. Валентина стояла, согнувшись перед мужем, крутила в руке проросшую картофелину и выедала глазами землю, куда была воткнута лопата. Убрав ногу с полотнища, Денис уставился на задумчивую женщину, затем положил обе ладони на конец черенка, а сверху примостил щетинистый подбородок.

– И чего уставилась? Сажать-то будем?

– Будем, – с выдохом ответила Валя, бросив картофель обратно в ведро.

Выпрямившись, также осмотрелась, оценила оставшийся масштаб работы и со слезами на глазах уставилась на мужа.

– Ты чего это? – опешил Денис, подняв голову. – Болит что-то?

– Душа болит, – одинокая слезинка потекла по морщинистой щеке.

Смахнув её, Валентина вырвала из рук мужа лопату.

– Меняемся. Теперь я буду копать.

Денис перешагнул борозду.

– Ты из-за Валерки, что ли? Да плю-унь, – взял из ведра несколько пыльных клубней. – Врачи разберутся. Ну, не го-

ворит, с кем не бывает. Я так вообще до четырёх лет молчал, а потом ка-ак затараторил...

– И до сих пор заткнуться не можешь, – прошипела Валя, откинув часть земли на борозду. – Шевелись, увалень, до ночи не закопаем.

После обеда из районной поликлиники вернулась Ирина с младшим сыном. Войдя в дом с печальными глазами, помогла Валере разуться, умыться, а затем занялась собой. Сняла туфли, помыла руки с мылом, ополоснула заплаканное лицо и посмотрела на своё отражение в овальном зеркале, висящем над умывальником.

– Ой, вы уже дома? – в кухню вошла уставшая мать. – А мы только о вас говорили.

Ира вытерла лицо вафельным полотенцем и села на табурет. Её печальные глаза были полны слёз и отчаяния. Отвернув голову в окно, она молча сглатывала слёзы.

– Что врач-то сказал? – Валентине не терпелось услышать благоприятную новость. – А то я вся извелась.

Открыла кран и сунула под прохладную воду покрасневшие ладони.

– Ничего, – всхлипнула Ира, – ничего хорошего.

– Почему? Это же такая ерунда, – прихватив сырое полотенце с крючка, Валентина села на лавку. – Много ли таких немых? У Гальки Пружниковой парнишка до трёх молчал, вспомни. А у Лены Симоновой... Девчонка до пяти глазами хлопала и улыбалась, а потом язык как развязался – до сих

пор трещит, как попугай. А девке уже пятнадцать.

Слушая слова поддержки, Ира не смогла справиться с собой и выпустила волну рыдания, опустив голову на руки. Её спина содрогалась от каждого всхлипывания, нос хлюпал от забившейся слизи, а изо рта доносилось тяжёлое дыхание. Ирина ударилась в истерику.

– Да что ты так убиваешься, Ирочка? – Валя мигом пересела с лавки на табурет. – Девочка моя, ничего страшного не случится. Наш Валерочка – крепкий, умный мальчик. Мы с ним буквы разучиваем. Я называю, а он пальчиком показывает. Это означает только одно: он способный, слышишь? А сегодняшние врачи ничего в этом не понимают. Им дай шоколадку, так они готовы тебя без очереди пропустить, а если придёшь с пустыми руками...

– Mamочка, да что ты такое говори-ишь? – взывала Ира, захлёбываясь приступом истерики. – Мама-а...

– Говорю, как есть. В наше время на всю эту мелочь никто внимание не обращал. Как будет, так и будет. На всё воля Божья. В нашем роду ни одного неполноценного ребёнка не было. В какой срок положено заговорить, в такой и начнёт. Так будет болтать, что не остановишь! – рассмеялась Валя, чтобы подбодрить расстроенную дочь.

Но Ира не останавливалась. Рыдала и рыдала, вздрагивая и задыхаясь. Погладив дочь по спине, Валя налила в кружку воды из чайника и предложила попить, чтобы успокоиться.

– Если у Валерочки врождённый изъян – значит, скажи

спасибо муженьку. Порода у него порченная, – резюмировала мать, держа перед Ирой кружку. – Ты на Алёшку посмотри: родился вроде нормальным, а сейчас что? Дурачок какой-то, прости Господи...

– Мама-а, при чём здесь Алёшка? – протяжно завывала Ира, приподняв голову. – Не трогай ты моих дете-ей.

– Не пойму, – поставив кружку на край стола, Валентина села на своё место. – Тогда по какому поводу слёзы?

– Я его видела, понимаешь? На рынке видела-а. Он же в Москве должен быть на заработках...

Вот это новости с полей!

– Как видела? – вскочила на ноги ошарашенная Валя. – Он же только через неделю должен вернуться?!

– Я его зову, зову, а он не слыши-ит.

– Может, подарки нам выбирал? Хотя... И в Москве мог купить. Может, ты ошиблась?

– Не-ет.

– Ты точно уверена, что это был Николай? Ты вот прям в лицо его видела?

Глядя на рыдающую дочь, Валентина подумала с минуту, прокрутила всякое-разное в забитой посадкой картофеля голове, смахнула со стола, покрытого гладкой клеёнкой, невидимые хлебные крошки, которые не убрал за собой муж, и, сильно ударив кулаком по столешнице, сделала чисто женский вывод:

– Или ты всё-таки перепутала его с кем-то, или наш Ни-

колаша пошёл в загул!

Прерывистые всхлипы и нудные причитания отключились мгновенно, будто кто-то нажал на телевизионном пульте кнопку «пауза».

– Я сейчас думаю... – Ира взялась за оправдания. Конечно, кому хочется слышать о любимом муже самое страшное, – возможно, я ошиблась...

– Ты спрашиваешь или утверждаешь? – а вот мама была настроена воинственно. Вот только появится зятьёк на пороге, она уж займётся его аморальным обликом.

– Не знаю, – выдохнув, Ира отвернула голову. – Мне уже говорили, как мой Коленька по рынку там шастает...

– Когда говорили? – у Вали вытянулось лицо. Медленно опустившись на табурет, заглянула в припухшие глаза дочери.

– В прошлом году, – виновато прошептала Ирина, шмыгнув носом.

– Как в прошлом? – Валю словно кипятком ошпарили. Плечи и шею обхватило жаром, а под носом и на подбородке проступил пот. – И ты столько времени молчала?

– А что я должна была говорить? – обиду сменила злость. – Ты ж меня всю жизнь учила не верить чужим словам! «Пока сама не увидела, не вздумай принимать за правду» – твои слова? Вот и увидела.

– Подожди, вот придет, тогда и поговорим, – Валентина поставила точку в разговоре.

Прошла неделя.

Последние семь дней Ирина была сама не своя. Как бы ни старалась скрывать паршивое настроение – не получалось. Она всё больше стала походить на свою мать, срываясь на беззащитного Алёшу.

– Ты у поросёнка почистил? – крикнула входящему в дом Алексею, прикрывая дверь сарая ногой. – Где тебя носит? Я тут одна корячусь, а ты ходишь где-то!

Алёша спешил обрадовать маму своим скромным заработком от сдачи меди, найденной в подлеске, но после её противного ора передумал.

– Сейчас почищу, – пробубнил мальчишка, заталкивая купюры подальше в карман куртки.

– Сил моих больше нет! – Ира волокла ведро парного молока и продолжала ругать повзрослевшего сына, – такой дылда вымахал, а помощи никакой!

– А дед? Не мог в сарае убраться? – вытащив вилы из дровяника, Алёша понуро опустил голову.

– Поговори мне ещё! – прикрикнула мать, поднимаясь на крыльцо. – Правильно бабушка говорит, лень родилась вперёд тебя! Никого не слушаешь, не уважаешь! Вот батька придет, я ему всё расскажу, какой ты у нас помощничек!

– И про любовницу спросить не забудь, – нечаянно вырвалось у парня.

– Что? Какую ещё любовницу? – голос Иры осип до неузнаваемости. – С чего ты взял?

Она остановилась на верхней ступени и чуть не уронила ведро.

– С того, – Алёша шагнул к сараю.

– Стой! А ну-ка, говори, кто тебе сказал? Бабушка?

– Нет, – ответил мальчик, не оборачиваясь. – Сам видел.

– Где? Когда?

– На рынке.

– На каком ещё рынке? – Ира поставила ведро и спустилась вниз на две ступеньки.

– В Санино.

– А что ты там делал?

– Медь сдавал...

Моментально переключившись с разговора о любовнице на продажу меди, Ирина раскрыла рот шире некуда, и на двор Фроловых обрушился душераздирающий визг, от которого вздрогнула вся домашняя скотина.

– Сдал медь и не принёс деньги в семью?! Мы с отцом бьёмся, чтобы хоть копейку в дом принести, я молоко продаю, стоя на вокзале и в жару, и в холод! Бабушка пирожки печёт, чтобы было на что купить тебе школьную форму, а ты заработал деньги и спрятал?! Ты от кого прячешь? – шагнула вниз. – От отца с матерью прячешь? От брата прячешь? От бабушки с дедушкой?

У Алёши подкосились ноги. Не поворачиваясь, он остался стоять у входа в сарай и ждать, когда мать соизволит подойти, чтобы поорать в ухо и дать привычного подзатыльника.

Как в воду глядел. Мама, обрушивая на него оскорбительные фразы, быстро приблизилась сзади и ударила по голове всей пятернёй. Рука опустилась сначала на затылок, а затем, сменив траекторию, съехала на правое ухо, не меняя силу удара. Ушная раковина вспыхнула огнём моментально. Воспламенившись адским жаром снаружи и проникнув в слуховой проход, невыносимая боль вонзилась стрелой в верхнюю челюсть, в районе правой семёрки, поверженной неожиданным кариесом. Из глаз Алёши брызнули слёзы.

– Где деньги, бесстыжая твоя рожа? – Ирина стояла за спиной и кричала на сына, глядя в его затылок. – Я Валеру по больницам таскаю, откладываю хоть что-то на дорогу, а ты, небось, на шоколадки и Пепси тратишь? А родных угостить не догадался?

Алёша стоял и слушал, пуская ручейки огорчения. Такого унижения, не считая бабушкиных издёвок, он не мог вынести мужественно, как полагается взрослому двенадцатилетнему мальчику-подростку. Слёзы полились крупными градинами, после второй оплеухи и последующего толчка в спину, между лопаток.

– Мама! – выкрикнул мальчишка, отбросив вилы. – Что ты делаешь?

– Мы тут корячимся, а он барствует! – Ира не слышала плачущий голос сына. – Бессовестный! До чего ж ты бессовестный! Правильно бабушка говорит, ты неблагодарная скотина! Я ему и покушать, что повкуснее, и одежду на по-

следние деньги, а он, как наглый жмот, тихушничает!

– На! Забирай! – Алёша вытащил деньги из кармана и бросил на землю, у своих ног.

Опустив глаза вниз, Ира разозлилась ещё больше: схватила мальчика за шиворот и развернула к себе.

– Это ты так с матерью, да? Это ты матери кидаешь, как кость собаке? А ну, подними! – с силой нагнула сына, не отпуская ворот рубахи. – Подними, я сказала!

– Не буду! – огрызнулся Алёша, всхлипывая и сжав кулаки.

– Подними сейчас же!

– Не буду, – голос ребёнка стал чуть тише.

– Я кому сказала? Подними и отдай матери в руки! – Ирина надавила на основание шеи, и Алёша нагнулся ещё ниже.

– Тебе надо – ты и поднимай, – прорычал мальчик и вытер мокроту под носом.

Дверь дома распахнулась, и на крыльцо вышла зевающая бабушка.

– Ира, что натворил этот наглец? Чего ты так разоралась, что аж в доме слышно?

– А вот, мам, полюбуйся. Этот паршивец деньги зарабатывать научился, а в семью приносить не догадался, – шипела Ира, не сводя разъярённый взгляд с утихомирившегося Алёши.

– А я тебе говорила – батькина порода, – Валя принялась за старое. – Весь в отца, чтоб ему пусто было. Такой же ти-

хоня, себе на уме. Ты ему слово, а он тебе – двести. Колька хоть молчит, а этот оговаривается. И хватает же совести так разговаривать со старшими?

– А я сейчас его научу, как надо себя вести с бабушкой, – Ирина замахнулась, чтобы ударить сына по заднему месту, но не успела.

Калитка бесшумно открылась и тут же оглушительно захлопнулась, оповещая Фроловых о прибытии неожиданных гостей. Резко повернув голову набок, Ира увидела мужа, который как раз сегодня должен был вернуться с заработков.

– Привет, – еле слышно поздоровался Коля, – а вот и мы.

Местоимение «мы» немного смутило Иру. Кто это «мы»? Кроме Николая здесь никого не ждут. Её пальцы самопроизвольно разжались, отпустив заплаканного Алёшу. Ира пристально посмотрела в загадочные глаза мужа и автоматически опустила взор на его ноги, рядом с которыми стоял маленький мальчик, держась за правую штанину обеими ручонками.

Посмотрев по разным сторонам, она поняла: мамы неизвестного ребёнка нет ни за забором, ни на дороге.

– А чей это? – отпустила сына, переключив пристальное внимание на мальчонку, которому с виду года два.

– Познакомьтесь, – взяв мальчика за руку, Николай шагнул к родным, но, заметив заплаканного Алёшу и злующее лицо Ирины, притормозил – якобы подтянуть ребёнку штанишки.

– Коль, а кто это? – голос Иры задрожал, и перед глазами промелькнули кадры из кинофильма «Мачеха», который она смотрела буквально на прошлой неделе.

– Это Олежка, – мужчина посмотрел на малыша сверху вниз, нежно улыбнулся, поднял его на руки и смело направился к ошарашенной жене.

Валентина резво спустилась по ступенькам и подскочила к дочери – ждать продолжение откровенного признания в тайных гулянках. Уж где-где, а в таких вещах она шустро разбиралась. Был горький опыт, благодаря треклятому мужу Денису, гульнувшему по молодости и получившему от разъярённой жены несколько добротных ударов армейским ремнём.

– Алёш, – Николай окликнул старшего сына. – А ты чего такой? Работать заставляют?

И тут Ирина заметила потерянный взгляд мужа, он старался не смотреть ей в лицо, робко прятал глаза и втягивал губы, будто натворил что-то такое, в чём боязно признаваться.

– Чей это мальчонка? – сощурила глаза, выискивая сходство между Николаем и ребёнком.

– Как чей? Наш! – радостно ответил Коля.

– Ты мне тут такие шутки брось, – зашипела тёща, прокручивая в голове бывшую любовницу своего благоверного, – иначе я на тебя нажалуюсь, куда следует. Сразу на улицу пойдёшь. Вот так и выгоню с пустыми руками.

– Во-первых, из моего дома выгнать не получится, – улыбочиво подчеркнул Коля. – А во-вторых...

– Мам! Мама!

Услышав знакомый ласковый голос, Валентина замерла. Медленно повернула голову на дорогу, чтобы убедиться, тот ли это человек, которого она давно не видела.

– Ой, божечки! – воскликнула женщина, узнав своего младшего сына, молчавшего много лет: ни письма, ни весточки. – Сынок! Сыночек!

Кинулась к молодому мужчине, задышав через силу. Обхватила рослого парня за пояс, прижалась лицом в его живот и зарыдала.

– Ну что ты, мам, – Андрею стало не по себе. Положив руки на её плечи, погладил по седым завиткам и поцеловал в темечко. – Я же здесь, я приехал...

– Сыночек, прости ты меня, дуру старую, – всхлипывала мать, вжавшись в крепкий торс огромным носом. – Не подумавши ляпнула, а ты обиделся...

– Всё, мам, забыли, – направив пронзительный взор на старшую сестру, Андрей нехотя приподнял уголки тонких губ.

Ирина не сдвинулась с места. Вот кого-кого не ожидала увидеть спустя десять лет, так это брата, наплевавшего на мать и бросившего родной дом из-за какой-то там пигалицы.

– Пойдём в дом, – отцепившись от сына, Валя повела

его кормить, поить и выводить всё о личной жизни. — Ир! — проходя мимо недовольной дочери, даже не посмотрела на неё. — Сходи в магазин, у нас мука кончилась! Надо Андрюшеньке пирогов напечь! Его любимых...

— Мамуль, подожди, — Андрей задержался рядом с Колей. — Познакомься с внуком.

— Так это твой? — Валя умело включила бабушкины чувства, чтобы показать свою радость долгожданной встречи. — Ой, как он на тебя похож! — произнесла с хитрецей в голосе, но даже не дотронулась до мальчонки. — Несите его в дом. Сейчас будем ужинать, — подхватила сына под руку. — А у нас же ещё один внучок есть, — затараторила, не вспомнив об Алёше, — Валерочкой зовут. Ой, какой он славный! Весь в нас!

Андрей поднялся на крыльцо вслед за матерью и скрылся в доме. Пора бы выдохнуть. Всё само собой наладилось. Коля не причастен к тому, что успела напридумать озабоченная безденежьем Ирина. Но... Какого чёрта Андрей припёрся сюда без предупреждения? Десять лет о нём не было слышно, и на тебе — встречайте блудного сына. Ещё и ребёнка с собой притащил.

— Папа, — мальчишка потянул ручки туда, куда ушёл его родной отец.

— Сейчас пойдём, — успокоил Олежку Коля, искоса поглядывая на хмурую жену.

— И зачем он приехал? — наконец-то Ирина заговорила

о брате. — Кто его сюда звал?

— Я, — радостно ответил Николай, опустив мальчика на ножки. — Я позвал, когда получил от него телеграмму.

— Какую телеграмму?

— Ту самую, которую ты хотела скрыть, — Коля взял мальчика за руку и подвёл к крыльцу. — Мне Ленка-почтальонша всё рассказала, как ты просила не оповещать мать на случай, если Андрей пришлёт письмо. Вот Лена телеграмму мне и передала.

Ирина вскипела.

— Так ты перед тёщей выслужиться решил, так? — подбежала к мужу и поймала за рукав рубашки. — А обо мне ты подумал? Эта идиотина приехала, как ни в чём не бывало, а я — сиди и помалкивай? Не желаю видеть его здесь! Как позвал, так и выгонишь!

— Ты видела лицо своей матери? Заметила, как она обрадовалась? — Коле не хотелось ссориться, но, скорее всего, придётся. — Ты должна выслушать брата и простить. Тем более... — замешкался, раздумывая, подниматься или нет, — ай, он сам всё расскажет.

Поднялся на крыльцо вместе с ребёнком. Ирина ринулась за ним, подхватив на ходу ведро с молоком. Все забыли о расстроенном Алёше. Бабушка занялась сыном, отец был занят мальчишкой, а мама... А что мама? Злая стала в последнее время. Срывается на Алёшу, кричит, ругает, не замечает, как обижает словом, может и ударить. Что за време-

на настали?

Алексей поднял с земли испачканные пылью купюры и сунул в карман. Два раза шмыгнул носом, взял вилы и вошёл в сарай. Пусть они там радуются приезду дядьки, которого даже Алёша не помнит. Пусть нянькаются с незнакомым мальчиком, пекут пироги...

– Всё равно, – подхватив вилами спрессованный поросёнок навоз, парнишка вспомнил, что не прихватил таз, предназначенный для вывоза помёта. Вернулся в дровяник, схватил верёвку, привязанную к ручке железного таза, и поволок в сарай, как телегу.

В кухне царил бабушкин смех. Усадив за стол сына, она выставила перед ним шмат нарезанного сала, лук, чеснок, банку с солёными огурцами, последний кусок варёной колбаски, пожарила пяток яиц, разогрела вчерашние щи и поставила на плиту кипятить чайник.

– Кушай, кушай, Андрюшенька, – села рядом, не обращая внимание на вошедшего зятя с Олежкой на руках. – Исхудал, – заметила вмятины на щеках. – Что, Светка совсем тебя запустила? – случайно ляпнула и сразу же замолчала.

До сих пор помнит Валентина ссору с любимым сыном. Лучше ничего не говорить о его никудышной жене, иначе сорвётся Андрюша и уедет, ждите весточки ещё лет десять.

– А почему один? – низким голосом спросила Валя, умиляясь зверскому аппетиту сына.

– Как один? – запихивая в себя всё, что лежит на столе,

Андрей кивнул на Колю. – С сыном.

Мать ревностно посмотрела на белобрысого мальчика и улыбнулась с натягом.

– Коля, посади мальчика на табуретку, – выдвинула из-под стола обшарпанный табурет, – и сам садись. В ногах правды нет.

За плечом Коли показалась голова Иры. Она поставила ведро рядом с холодильником и накрыла крышкой.

– Ирочка, покорми мужика, – напомнила мать, – тоже, поди, голодный.

– А где щи? – Ира заглянула в холодильник и не увидела там кастрюли.

– Я Андрюше подогрела, – пояснила Валя, пододвигая сыну тарелку с колбасой.

– А чем же я Колю кормить буду? – захлопнув дверцу холодильника, Ирина уставилась на мать.

– Ну, яйца пожарь, или пусть сала поест.

Коля сел рядом с Андреем и посадил на одно колено Олежку.

– Вы бы хоть ребёнку чего предложили, – заскрипела зубами Ирина, жалея остатки щей.

– Да, мам, Олежку покорми, – произнёс Андрей с набитым ртом.

– Так ты не сказал, почему без жены приехал, – Валя нехотя поднялась и зажгла конфорку.

– Ну-у, там, – сын покрутил в воздухе вилкой, мол,

не спрашивай.

– Поссорились? – спросила Валя, положив на столе сырые яйца.

– Потом, мам, дай поесть, – еле выговорил Андрей.

– Ну, кушай, кушай, – мать вбила в сковороду два яйца и перемешала желтки с белками, после добавила полстакана молока, посолила и накрыла крышкой.

К столу выбежал заспанный Валера. Его разбудили громкие голоса и счастливый бабушкин смех. Немного опешив при виде чужаков в кухне, мальчик помешкал и стеснительно подошёл к Валентине, стоящей у газовой плиты.

– Тоже есть хочешь? – не оборачиваясь, спросила Валя. Она догадалась, что это внук обхватил её за ноги. – Садись рядом с батькой и жди. Сейчас омлет будет.

Николай подозвал сына к себе и посадил на второе колено. Валера напрягся.

– Это – Олег, а это – Валера, – Коля познакомил мальчишек, глотая слюну. Из его живота раздалось громкое урчание, и Олежка рассмеялся. – Как трактор, р-р-р, – зарычал Николай, не спуская глаз с мальчонки. – Р-р.

Олежка залился звонким смехом, запрокинув голову назад, а Валера сидел смирно и смотрел на весёлого мальчика с прищуром.

– Вот это мужик растёт! – неожиданно произнёс Коля и засмеялся вместе с Олежкой.

Ирина, притащив из сеней ведро с мелкой картошкой,

чтобы пожарить, неоднозначно посмотрела на мужа.

– И давно ты так своих смешил? – в её голове что-то щёлкнуло. – А с чужими вон как весело, да?

– Не чужой, а наш, – Валя переложила омлет в тарелки и поставила на стол. – Это ж твой племянник, Ира, думай, что говоришь.

Подала детям вилки и устроилась рядом с сыном.

– Андрюш, а вы надолго к нам? – подпёрла кулаком щеку. – На месяцок, да? В отпуск?

– Не, мам, я одним днём. Только Олега к вам закинуть и обратно, – запив плотный ужин холодным молоком, Андрей выпрямил спину и широко улыбнулся.

У Иры из рук выпал нож, когда она усаживалась перед ведром, чтобы почистить картофель. Из-за звенящего грохота Валентина обернулась на автомате, коротко глянула на остолбеневшую дочь, а затем – на сына, обьевшего вкуснятиной.

– Закинуть? – выдавила из себя опешившая мать. – Кого? Этого? – показала рукой на мальчонку, смирно сидевшего на ноге зятя. – И надолго?

– Пока на месяц, а там видно будет. – случайно рыгнул Андрей, освобождая полный желудок от лишнего воздуха.

– Почему?

– Так надо, мам, – Андрей уставился в окно, выискивая в голове убедительное оправдание.

Валя, кряхтя, отошла к печи, села на лавку и потёрла кула-

ком грудь в том месте, где, по её мнению, располагается важный орган – сердце. Уставившись бешеным взглядом в спину Андрея, попросила у дочери воды, а после задала прямой вопрос слух:

– Вы в разводе или?..

– Пока неизвестно, мам, – Андрей продолжал смотреть в окно. – Что-то у нас не заладилось...

– А я говорила, – Валя ожила. Поставила ладони на лавку и подалась вперёд, – я же тебя предупреждала. На кой чёрт тебе эта малолетка? Ей только восемнадцать стукнуло...

– Хватит, мам, хватит, – Андрей тяжело поднялся и отошёл к двери. – Поссорились – помиримся, с кем не бывает.

– Вот и не было бы, если б для начала для себя пожил.

– Ну всё, хватит, – кивнул матери и вышел на улицу покурить.

– И что ж теперь? – ахнула Валентина. – На месяц? А кто за ним смотреть будет? Мне и Валерки хватает.

– А теперь вот иди и сама разбирайся, – кинула матери Ира, поднимая нож с пола. – Мне лишний рот здесь ни к чему.

Слова дочери больно ужалили Валю. Всё-таки это сын любимого Андрюшки, а не кто-нибудь. Родная кровиночка. Ну и что, что он также является сыном этой безалаберной Светки, зато Андрей привёз его сюда, к родной матери, а не оставил мальчишку этой гадюке.

– Нет, Ирочка, – Валя подошла к Николаю и забрала у него

Олежку, – внука я никуда не отправлю. Сынок доверил мне мальчика на время, я обязана за ним присмотреть.

– Ну, как знаешь, – яростно сняв с картофеля кожуру, Ирина бросила её в ведро. – Но ко мне с ним не лезь, поняла?

– И не думала, – потрясывая Олежку, Валя улыбалась ему и смотрела прямо в глаза.

Валера, наблюдая за ровесником и бабушкой, моментально ощутил неизведанное чувство, проникшее под рёбра и опустившееся вниз, ближе к пупку. Ревность захлестнула ребёнка. Открыв рот, он начал орать и закидывать голову назад. Слёзы потекли рекой, и Валеру захлестнула истерика.

– О-о, так ты, оказывается, у нас нытик, – брезгливо сказала бабушка, повернув голову набок. – Стыдоба. Что старший, что младший... Тьфу!

Забрала тарелку с омлетом и понесла в комнату – кормить Олега.

– Тише, чего зашёлся? – растерялся Коля, успокаивая сына. – Да что с тобой?

– Ревнует, – ответила Ира. – Не заметил, как он смотрел на мальчишку? Мать тоже хороша – привели, отдали и поминай как звали.

– Не, ну а что? – возразил Коля, перекрикивая Валеру, – у Андрея сложная ситуация...

– Какая ещё сложная ситуация? – не выдержала жена. – Притащился, когда нужда заставила – это сложная ситуация? – бросила нож и неочищенный картофель в ведро. –

Петух в задницу клюнул – сразу к матери бежать? А где он был десять лет? Где его носило?

– Да перестань ты, Ир. Мало ли, что в жизни может случиться, – прижимая к себе орущего Валеру, Николай гладил его по голове и целовал в ухо.

– Пусть сам разбирается со своей женой! А на меня своего... – хотела выругаться, но оскорблять детей – это как-то не по-человечески. – На меня вешать – это как?

– Валер, ну хватит капризничать, – Коля вконец потерялся. Сыном всегда занималась бабушка, на худой конец – жена. И как его успокоить? – Забери его, а? Ухо оглохло.

– Ох ты ж, посмотри на него! Давно ли сам с дитём занимался? Как укатил в свою Москву – сразу забыл и меня, и сыновей! Кстати, деньги давай, мне туфли купить надо! Старые совсем развалились!

– А нет денег, Ир, – Коля заметно побледнел.

– Как это – нет? Месяц прошёл, куда ты их дел?

– Андрюхе дал... в долг.

– И что, все?

– Все.

– Зачем? – на этот раз Ирина перекричала сына, и Валерка сразу замолк. – Для чего ему столько? А мы теперь на что жить будем? – Ира пнула со злости ведро с картошкой и побежала на улицу забирать зарплату мужа.

– Верни, что взял!

От внезапного визга Андрей подпрыгнул на ступеньке.

– Ты о чём? – уронил сигарету и сразу поднял.

– Деньги, говорю, верни! У тебя совесть есть?

– Какие деньги, не пойму?

– Тебе Коля деньги сегодня давал? – Ирина понизила тон. – Давал или нет?

– Ну-у, да, – Андрей встал и сплюнул на землю.

– Верни сейчас же! – вновь подняла крик.

– С чего это? Он мне должен был. Я и так долго ждал, когда Колька разродится. Всё, больше в долг не даю.

У Ирины отвисла челюсть.

– А-в, а-в, – не смогла сформулировать фразу, чтобы задать вопрос: в каком смысле, долг?

– Ладно, поеду я, – докурив, выбросил окурок. – Дел по горло. Передай там, – показал глазами на открытую дверь, – всем привет и что я очень спешил.

Махнув рукой, Андрей попрощался по-английски с матерью и зятем. Ирина захлопала ресницами, не понимая, зачем брат приезжал? Только чтобы оставить сына? А вещи где? А деньги на содержание...

– Андрей! – очнувшись, Ирина бросилась догонять брата. – Стой! Андрей!

Выбежала на дорогу, остановилась и закрутила головой. Андрей как сквозь землю провалился. Прошло-то всего секунд пятнадцать, как ему удалось так быстро смыться? Проглядела в одну сторону, заглянула за соседский забор – никого. Потом – в другую, там тоже пусто.

– Зараза такая, – ещё больше рассердилась Ира. – Ну не гад, а?

Вернулась домой и плюхнулась на лавку.

– Скотина, безмозглая скотина, – подумала вслух, глядя в спину сгорбившегося мужа.

– А Андрюха где? – Коля ел хлеб. – Уехал?

– Уехал, – пробурчала Ирина, сложившись пополам. – Бросил ребёнка и свалил.

– Ну, ничего. Нашим ребятишкам будет веселее, – Николай попытался подбодрить жену.

– Веселее? – вспылила женщина, выпрямив спину. – Что ж здесь весёлого, когда денег...

Сощурившись, поднялась с лавки и подошла к мужу. Коля вжал голову в плечи. Грозная мимика лица Иры заставила вздрогнуть.

– А теперь Расскажи-ка мне, дорогой мой, о каком таком долге мне сейчас Андрей говорил? – поставила руки на бока, угрожая расправой.

– Каком долге? – с голодухи у Коли засосало под ложечкой. А может, и не с голодухи, а от страха.

– Ты мне тут шлангом не прикидывайся, – зарычала Ира, нависнув над съёжившимся мужем. – Ты поэтому деньги домой не привёз? Долг ему отдал? А на что ты его брал?

– Да врёт он, – покраснел Коля. Встал, отошёл в сторонку, чтобы не получить оплеуху, и крепче прижал к себе Валеру. – Ты давай тут не психуй. Валерка только успокоился.

Нечего пугать пацанёнка.

– А-а, за ребёнка прячешься? – Ира пошла в наступление. Шаг за шагом она приближалась к мужу и зверела на глазах. – Поставь Валеру на пол, – голос становился всё ниже и сильнее, – поставь, я сказала.

Отходя назад, Коля не знал, что делать: говорить правду или продолжать врать?

– Ир, я же сказал, дал ему на месяц, – сзади образовалась преграда в виде закрытой двери. Коля остановился. – Может, он не хотел, чтобы вы знали, а ты выскочила за ним и...

– Мам, я есть хочу, – в дом вошёл Алёша. Снял калоши и подошёл к умывальнику. – А это что? – увидел на столе омлет. – Я это есть не буду.

– Тебе здесь не ресторан! – закричала мать, опустив руки вниз. – Господи, как мне всё это надоело! Ну скажи! – со слезами на глазах обратилась к мужу. – Зачем ты отдал все деньги? Он же их не отдаст!

– Мам, не плачь, – Алёше стало безумно жаль плачущую маму. – Возьми, – выложил на стол скомканные купюры. – Тебе нужнее.

– Сыночек, – в душе Иры образовалась огромная сквозная дыра. Ей стало стыдно за то, что она несколько минут назад обидела своего мальчика. – Прости меня, Алёшенька, – подскочила к сыну и прижала его голову к своей груди. – Прости, мой маленький, прости...

Уф-ф, спасибо Алёше, вовремя пришёл, а то вот-вот мог

разразиться бешеный скандал, а Коля их не любит, вернее, побаивается. Стоит Ирине поднять крик, как на подмогу спешит тёща – и хоть из дома беги. Давно б разогнал этот крикливый курятник, но... дети. Сыновья не виноваты, что им досталась беспокойная мать и говорливая бабушка. Да и Иру бросить жалко. Любви давно нет, одна привязанность. Если бы не было рядом тёщи, можно было бы хоть как-то наладить семейную жизнь. Но... поздно.

– Ирка, поди сюда, – встревоженная Валентина Анатольевна позвала дочь. – Быстрее!

Ирина отлипла от сына, вытерла лицо и поцеловала Алёшу.

– Я сейчас. – улыбнулась, погладив мальчика по голове.

Уходя в комнату, взглянула жалкими глазами на мужа, затем – на младшего сына, вздохнула с сожалением и потопала искать одежду для Олежки, как ей подумалось.

– Ир, глянь-ка, – мать сидела на кровати и перебирала чёрно-белые фотографии в старом альбоме. – Не похож.

– Что там, мам? – Ира выдохнула, приближаясь к маме.

– Карточки рассматриваю. Каждую посмотрела, сравнила – не похож, – выпучив глаза, протянула фото дочери. – На, глянь.

– Зачем мне фото Андрея? – Ирина не поняла, на что намекает мать. – Что ты там ищешь?

– Олежка не похож на Андрюшку. И здесь, и здесь, – разложила на постели пожелтевшие фотографии. – Смотри, со-

всем другой.

– И что?

– А теперь сюда посмотри, – Валентина протянула фото маленького Николая.

Ирина взяла фотокарточку, опустила на неё глаза и сразу подняла на мать.

– Тебе заняться нечем? – бросила фото на альбом. – Ты уже не знаешь, как меня оскорбить и как своего Андрюшку восхвалить? С детства ставила его на первое место, а сейчас хочешь старое вспомнить, что-то вроде: я же говорила, Коля тебе не пара. Да и Андрюшке твоему тоже та девка не парой оказалась, только ты поскрипела несколько дней и замолчала, – Ирину выворачивало наизнанку, но она искусно это скрывала.

– Если бы вы послушали меня, то сейчас не мучились со своими... – Валя запнулась при поиске аккуратных слов, ведь мальчонка рядом, может и научиться ругаться матом.

– Не городи, – Ира собиралась уходить, но мать остановила её.

– Позови Андрюшку, я хочу разузнать, что у него там случилось с этой... – косо посмотрела на Олежку.

– Он уехал, – разочарованно сказала Ира и подошла к двери. – оставил этого и сбежал.

– Как? И не попрощался... – Валя смахнула скупую слезу, переложила фотографии в альбом, тяжело вздохнула и встала с постели.

– А как ты хотела? Думала, приехал – значит, стал другим? Изменился? Как был оторвой, так и остался.

– Ой, не надо. Андрюшка мой не такой. Молод ещё, не понимает – ближе матери никого у него не будет.

– Ха! Молод? Тридцать четыре годика, а в голове – ветер, в жопе – дым. И знаешь, – взялась за дверную ручку, – что-то мне подсказывает, что он не просто так приезжал и привёз мальчишку, – Ирине стало боязно за судьбу Олежки, – как бы он его не бросил на нас. Вещей-то нет. Теперь придётся Валере делиться штанами и майками, а их у него – по пальцам посчитать.

– Ничего страшного. Они одного возраста, тряпок на всех хватит, – улыбнувшись молчаливому внуку, Валя убрала альбом на место – в ящик комода. – Ничего, проживём.

Не успела Ира выйти, как в комнату вошёл её отец, весёлый и поддатый.

– Мне тут сказали, что наш сын приехал! А где он? – встал в проёме, покачиваясь и дыша сильным перегаром.

– Ну и выхлоп, – Ира заткнула нос и вышла.

– Уехал, – ехидно ответила Валя, обняв внука. – А с тобой не поздоровался.

– Как уехал? А совесть? – мутные глаза Дениса Михайловича заблестели от обиды. – А с батькой поговорить?

– Был бы батька, а то полное недоразумение, – пожурила мужа Валя. – Иди, с внуком познакомься.

– А чей это? – непонимающе уставился на маленького го-

стя.

– Дурень. Андрюшкин, чей же ещё?

– Да? А я подумал... – начал рассматривать мальчонку с неподдельным любопытством. – Ну, иди сюда, пострелёнок, – протянул руки к Олежке, – иди, не бойсь, дед не обидит.

– О, уже успел надраться, – скривила рот Валя, поднимая внука с кровати, – отойди, нечего на него спиртным дышать.

Денис ожидал, что жена передаст ему внука, но Валя, взяв на руки Олежку, понесла его в комнату – выбирать одежду.

Первые два дня мальчонка тяжело привыкал к новому дому. Звал маму, плакал, капризничал и не спал ночами. Вырубится, накричавшись, и через полчаса продолжает старую песню.

– Ма-ма-а-а! Качу к маме-е!

– Мама скоро приедет, – Валя не могла сладить с мальчиком. – Маме нужно работать... (или что там у неё на уме).

Николай не находил себе места. Пытаясь помочь тёще и жене успокоить мальчика, нарывался на грубость со стороны Вали и на крик уставшей жены.

– Да отойди ты! Видишь, он тебя боится! – срывалась на мужа Ира, прыгая вокруг племянника. – Принеси сухарик, может, поможет!

Ни сухариком, ни конфеткой – ничем не удавалось заткнуть рот непрошеному гостю, пока Валера не изъявил желание пожалеть Олежку.

– Ты посмотри, – Валя открыла рот и замерла, глядя на внука, обнявшего непрерывного горлопана. – Жалеем его...

– Наконец-то, – обрадовалась Ира, – значит, подружатся.

Через две минуты душераздирающий крик прекратился. Валерочка смог наладить контакт с Олежкой. Он сидел рядом с ним на диване и прижимал его голову к своей груди, как это обычно делает бабушка, когда Валера плачет.

– Валерочка, какой же ты у нас ласковый, – всплакнула Валя при виде умильного зрелища. – Чувствует родное сердечко кровную связь. Будут не разлей вода.

– Лучше не надо, – Ирина не была готова воспитывать ещё одного ребёнка, но мысли о том, что брат оставил здесь своего сына надолго, не покидала её ни на секунду.

Через неделю Олежка полностью успокоился и привык к новому месту жительства, благодаря новому другу Валере. Мальчишки спали вместе в одной кроватке. Хоть и тесновато, зато тепло и уютно. Завтракали вместе, играли, дурачились – не отходили друг от друга ни на шаг.

– А кто это у вас? – соседка встретила Вальку, прогуливающуюся с внуками. – Чей это?

– Внук, – гордо отвечала Валентина, придерживала пацанят за ручки.

– А когда это Ирка с Колей успели? Сколько ему? Что-то слишком большой. И Ирку я с пузом не видела.

– Ой, вот любишь ты сплетничать, Григорьевна! – завоз-

мушчалась Валя. – Андрей привёз на побывку, а ты уже насочиняла.

– А-а, а когда это он тут был? Не видела что-то.

– А зачем тебе смотреть? Приехал и уехал.

– С женой?

– А тебе какое дело?

– Ну, а мальчонку надолго тебе оставили?

– Вот тебе всё знать надо. На всё лето, – выпалила Валя, замучившись отвечать на дурацкие вопросы любопытной соседки.

– А-а, ясно, – Григорьевна отошла подальше, повернула голову и внимательно посмотрела на мальчика. – Станный случай. Привезли такого маленького и оставили аж на всё лето.

Как в воду глядела Анатольевна. Ляпнула, не подумавши, а Олежка в итоге так и остался на всё лето в селе Вербное.

– Мам, уже три месяца прошло, а Андрей мальчишку не забирает, – Ира мыла банки для будущей консервации. – Что это за наглость? Ни копейки на ребёнка не прислал, долг Кольке не отдал, на письма не отвечает, – чем больше говорила о брате, тем сильнее злилась на него.

– Думается мне, что он готовится сюда переехать, – Валентина, помешивая сливовое варенье в пятилитровой кастрюле, всей душой ждала возвращение сына. – Разводятся, наверное... – сказала с надеждой в голосе и переложила сладкую пенку в плоскую тарелку.

– Ребёнок обязан быть на суде, – возразила Ира, переворачивая поллитровку вверх дном. – Да и вообще, его отдадут матери, а не отцу, – оставила банку на столе.

– Да что ты? С каких пор детей таскают на суды? Вон, Маринка развелась, а дети у сестры были, и ничего. Ой, хоть бы и правда разошлись! – размечталась Валентина, поставив тарелку на табурет. – Жить будем все вместе, как раньше! В одном доме! – воскликнула и накрыла кастрюлю крышкой.

– Ничего себе ты размахнулась, – возмутилась озадаченная неожиданным воплем матери Ирина. – Вообще-то, у нас места мало. Да и дом этот, – окинула быстрым взглядом тесную кухню, – Коле принадлежит.

– И что? Ты ж его жена, а я твоя мать, – выкатила глаза Валя. – Или нас с отцом на улицу погонишь?

– Да хватит тебе ерунду городить. Выключай варенье и отойди, сама закатаю.

Занявшись закаткой, Ирина представила страшную для неё картину: в одной комнате мать с отцом и Алёшкой, в другой – она с Колей и Валерой... а Андрея с Олегом куда? На печь? И кто будет обхаживать любимого братца? С ребёнком куда проще: помыл, покормил, а этому кто готовить будет? И лишняя стирка на Ирину ляжет?

– А не пошли бы вы... – обдала банку кипятком и взяла в руку половник. – Корми его, дармоеда. Может, Светка и разводится из-за его лени. Интересно, а что это она сюда не едет? Неужели не соскучилась по сынишке? Чудно. Олеж-

ка здесь, а Светка – там.

Расставила горячие банки, положила в них варенье, накрыла крышками и по очереди закрутила тяжёлым закаточным ключом. Пока возилась с запасами на зиму, в дом прибежали дети.

– Кусать качу, – раскрасневшийся после длительной беготни Олежка положил пальчики на угол стола и приподнялся на носочках. – Валенье.

– Да, это варенье, – в ответ улыбнулась Ира. – Сейчас обедать будем, подожди немного.

– А-а-а, – Валера схватил мать за подол длинной юбки и задёргал. – А-а.

– Когда ж ты у меня уже заговоришь? – встревоженно произнесла Ира. – Пора бы «мама» сказать.

– Мама, – улыбчиво повторил Олег и повторил за Валерой, схватил за юбку и начала дёргать туда-сюда.

– Баловники! – хихикнула Ира. – Мойте руки и за стол.

Сунула банки под стол, накрыла тёплым одеялом. Выпрямившись, охнула из-за резкой боли в спине и пристально осмотрела белобрых ребят.

– А ведь правду говорят, чем больше чужой ребёнок живёт в семье, тем сильнее становится похожим на членов этой семьи, – Ира сравнила Олега с Валерой, – и волосики такие же, и носик-курносик. Руки-то помыли?

Мальчишки подбежали к умывальнику и, отталкивая друг друга, потянулись за душистым мылом.

– Не драться там, – погрозила пальцем Ира, доставая тарелки из навесного шкафчика. – А то я вас накажу.

Успокоившись, мальчики намылили руки, ополоснули их и сняли с крючка полотенце. Прищурившись, посмотрели друг другу в глаза, растянули, взявшись за края, и быстро-быстро, наперегонки, вытерли пальчики. Весёлый смех стоял в кухне. Мальчики толкались, вырывали из рук промокшее полотенце мешали друг другу повесить его.

– Так, – Ирина отобрала «игрушку» и повесила на место. – За стол, суп стынет.

Усадив детей, взялась мыть кастрюлю, пропитанную кисловато-сладким запахом. Пока она соскребала со стен посуды приторно-сладкие остатки варенья, в дом вошёл Коля.

– О-па! – Ирина не ждала сегодня мужа. – А ты чего это на неделю раньше?

– Я за Олегом, – Коля выглядел уставшим и раздражительным.

– Ты? Почему это ты его повезёшь, а Андрей где? – Ира поставила кастрюлю в раковину. – Это что за медвежья услуга?

– Не может он. Вот, меня попросил.

– Коля, мне это не нравится, – сердито сказала жена. – Он пропадает где-то, а ты за него проблемы решаешь.

– Да работаю я недалеко от их городка. У него дел по горло, а мне как раз два дня дали, – по глазам было видно – Николай что-то скрывает.

– Нет, ну не дурак, а? У вас с Андреем какие-то секреты? Может, Светка приболела? – сообразила вдруг Ира.

– Ну-у... – замялся Коля, – не хотел Андрей вам всё рассказывать. Да, она больна. Всё? Вопросов больше не будет?

– И зачем всё это? – смягчилась жена, пожалев ненавистную невестку. – Могли бы сразу сказать, а то тайны какие-то.

Жаль расставаться с мальчиком. Ирина успела привыкнуть к Олежке, хотя и не показывала своих чувств. Но у ребёнка должна быть семья.

– Олежка, ты сейчас домой поедешь, надо собираться, – вполголоса произнесла Ира, поглядывая на Валеру, который всем сердцем прикипел к двоюродному брату.

– Не качу, – Олежка доедал вермишелевый суп.

– Надо, тебя мама ждёт.

На глаза Валеры навернулись слёзы. Понял мальчик, что папа сейчас увезёт его друга.

– А-а-а! – зарыдал он во всё горло, открыв наполненный вермишелью рот.

– Не кричи, а то подавишься, – Ирину накрыла грусть. – В другой раз встретитесь.

Коля смотрел на детей, сжав губы. Подружились ребяташки, душами срослись, но что поделать? Пора возвращать Олежку матери, которая только что выписалась из больницы после длительного лечения.

Собрав вещи, которые принадлежали младшему сыну, и попрощавшись с Олежкой, Ирина взяла на руки орущего

Валеру, закрыла за мужем дверь и тяжело вздохнула.

– Ну, чего ты? – села на лавку, посадила на колени расстроившегося мальчика. – Не плачь, сынок, скоро братик опять приедет к нам в гости.

Валера рыдал крупными слезами и отталкивал маму. Ему хотелось бежать за Олегом, чтобы вцепиться в него и не отпускать. В детском саду Валера не обзавёлся друзьями, потому что в основном сидит дома из-за плохого иммунитета. Часто простужается сам или заражается от других детей, которые стойко переносят зимнюю болячку и садик посещают практически регулярно. Как такового общения с соседскими ребятами тоже нет. Они его попросту не понимают, когда он пытается что-то объяснить не словом, а мычанием. А вот с Олежкой у Валеры сложились крепкие дружеские отношения.

– Ну всё, – в кухню вошла Валентина Анатольевна, омрачённая скорым отъездом внука. Села на табурет и горестно всхлипнула. – А я так надеялась, что они разойдутся и Андрюшка сюда переедет, – посмотрела на побледневшую дочь. – Коля не сказал, почему Андрей сам не приехал за сыном? Мне ничего на это не ответил...

– Не знаю, – Ирина покачивалась взад и вперёд, укачивая утомившегося Валеру.

– И когда обратно привезут?

– Да не знаю я, – Ирине захотелось плакать. В душу вонзилась грусть-печаль. Не думала она, что будет так тяжело

после ухода племянника.

– Знать бы точно, что у них там стряслось, – Валентина взялась рассуждать о невестке. – Загуляла, наверно, а он, дурачок, и простил. А может... Да не-ет, сам он не мог. Тогда бы и мальчика сюда не привозил. Скандалили, думаю.

Выслушивая, как мать ищет ответ на поставленную Андреем загадку, решила сказать правду.

– Болеет она, мам.

– Кто? Светка? И чем же?

– Этого я не знаю.

– А кто сказал? Андрей?

– Коля. Всё лето лечилась, я так поняла.

– Все три месяца?

Женщины переглянулись и замолчали. Любопытно, а чем же она могла таким заразиться, что провалялась в больнице столько времени? Это что ж за болезнь такая затяжная? А почему Андрей сразу не рассказал? Зачем было делать из этого тайну?

– Вылечилась или нет? – Валю распирало любопытство.

Ирина пожала плечами и перестала раскачиваться. Валера уснул, прижавшись головой к её плечу, и Ира встала.

– Пойду отнесу. Он так плакал.

Ушла в комнату, чтобы переложить мальчика в кроватку. Вале не терпелось обсудить болезнь невестки. Подождав немного дочь, не выдержала и потопала в комнату.

– Ир, – приоткрыла дверь.

– Сейчас иду, не шуми, – Ирина накрыла зарёванного сына одеялом и тихонько вышла. – Чего тебе? – осторожно закрыла дверь.

– Не туберкулёз ли у неё? – зашептала нетерпеливая мать.

– У кого?

– У Светки, у кого ещё?

– С чего ты взяла?

– Как с чего? Столько месяцев лечится только эта болячка.

– И что?

– Как что?! – выкрикнула Валя от возмущения.

– Да тише ты, – шепнула Ира и повела мать в кухню.

– Я говорю, – Валя шла на цыпочках, чтобы не разбудить внука, – если у неё эта зараза, то нам всем несдобровать.

– Почему? – Ирина взялась домыывать кастрюлю, в которой недавно варили сливовое варенье.

– Потому что эта чума заразная, тебя этому в школе не учили? – утвердительно выдала мать.

– Но Олежка-то не кашлял, – в душе Ирины закралась доля сомнения.

– И что? Ты знаешь, сколько лет может спать эта палочка? Просочится через нос в лёгкие, а потом как даст.

– Боже мо-ой, – кастрюля не дождалась своего часа водных процедур. Ира закрыла кран и села рядом с матерью. – Это что ж получается? Это мы сейчас все здесь перезаразились? – нарисовала указательным пальцем круг в воздухе.

– Всё может быть, – ответила Валя уставившись в пол. – Жди теперь, когда всей семьёй кровью кашлять начнём.

Прокрутив в голове всё, что знала об этом заболевании, Ирина схватилась за сердце. Неспешно поднялась на ноги, прошла по скрипучему полу и облокотилась о печь.

– Ты думаешь, Светка таким образом решила нам отомстить?

– Правильно ты сейчас подметила – отомстить, – согласилась мать. – Столько лет прошло, а тот скандал не забыла. И Андрея с ребёнком сюда отправила, гадина такая. Своего заразила, так и с нашими решила покончить.

– Не верится мне что-то, – простонала Ира, не опуская руки. – Не может быть.

– Может, Ирочка, может. То-то Андрей приехал и уехал. А сегодня не сам за сыном вернулся, а Кольку подослал.

– Ой, мам, – Ирина побледнела и сползла на пол. – Плохо мне.

– Сейчас капелек принесу, – спохватилась Валя. – Сейчас, подожди.

Не утихомирилась Ирина после успокоительного. Напридумала себе всякого и побежала в местный медпункт – поговорить с фельдшером. Та выслушала взбалмошную женщину, пояснила, что к чему, посмеялась над абсурдными догадками и отправила домой пить чай с малиною, чтобы восстановить нервную систему.

– Да ну тебя, мам, – Ира вернулась просветлённая, с глу-

боким ощущением неловкости. — Я как дурочка там сидела. Ладно хоть Степановна не такая языкаястая, а то разнесла бы по деревне глупость несусветную.

— Лишний раз подстраховаться не помешает, — мать сидела за столом и читала районную газету.

Конфуз замяли, но ненадолго. В первых числах сентября, после недельного похолодания, неожиданно заболел Валера. Ирина уже и думать забыла о больной невестке и мамкином предостережении, но надрывающийся кашель сына напомнил.

— Мам, что-то с ним не так, вон как давится, — Ирина приготовилась ставить горчичники ребёнку, положив его на живот. — Ночью хрипел, словно задыхается.

— Тебе Юля что сказала? Грипп — он и есть грипп. Клади листок в воду и лечи мальца, — мать была уверена в правильном диагнозе.

Проходит день, другой, но Валере становится хуже: температура высокая, мальчишка в бреду, не узнаёт мать родную и от бабушки с дедушкой отмахивается. На помощь пришёл старший брат, но и тут от него проку нет, как сказала взволнованная бабуля. В который раз отругала Алёшку и отправила в кухню кипятить молоко.

— Не грипп это, — сердце матери давало подсказку. — Здесь что-то другое.

— Не придумывай, сколько я вас лечила, и кашель был таким же и жар — всё одно, простуда и есть, — Валя продолжала

настаивать на своём. – Все дети болеют, от кашля ещё никто не умирал.

– Температура не сбивается, надо опять Степановну звать.

– Нечего человека по пустякам дёргать. Сегодня не сбивается, а завтра проснётся, и будет всё в порядке. Валера не первый раз болеет, пора бы уже привыкнуть.

Ночь прошла на нервах. Валера хрипел, плакал, звал маму, не понимая, что она рядом и разговаривает с ним. К процессу успокоения подключалась бабушка, но ненадолго. Быстро выбивалась из сил и ложилась спать. Рано утром Ирина послала Алёшку за Юлией Степановной.

Через два часа Валеру и его маму увезла скорая в районную клинику. Там и выяснилось: не грипп у ребёнка, а двустороннее воспаление лёгких.

– И как такое могло случиться? Откуда? Морозов ещё и в глаза не видели, а внук уже такую холеру подхватил, – сетовала на свою ошибку Валя, сидя перед телевизором рядом с засыпающим мужем. – Это ж как ещё у Иринки предчувствие сработало? Я же была уверена – ничего серьёзного.

– Молочка хлебнул малый, – вдруг признался Денис в полудрёме.

– Какого? Когда?

– Вас дома не было, а он банку из холодильника вынул, ну я и налил.

– Ах ты ж, чёрт старый! – воскликнула Валя, больно ударив мужа по бедру. – Ему нельзя холодного! Он с рождения

слабенький!

– А я откуда мог знать? Меня никто не предупреждал, – лениво отмахнулся муж.

– Как откуда? С самого первого раза было сказано: только тёплое давать, на улицу без шапки не водить...

– А я и не водил, – прикрыл глаза Денис. – Вы ж сами тут с ним, а меня не подпускаете.

– Не просыхаешь, поэтому и не подпускаем. И как я теперь перед Ирочкой оправдываться буду? Эх, натворил ты дел, бестолковый.

Оправдываться не пришлось. Не до этого было. Валере становилось всё хуже и хуже. Врачи боролись за жизнь двухлетнего мальчика, как могли, но лечение не дало должных результатов. Десятого сентября в дом Фроловых нагрянула страшная весть.

– Ой, божечки мои! – причитала Валя, лёжа на кровати лицом в подушку. – Ой, внучек мой! Валерочка! Да как же так? Ой, грех на мне, упустили время! Упустили, чтоб пусто было этой болячке чёртовой! Как же я теперь дочери в глаза смотреть буду?! Валера! Валерочка!

Похороны прошли так, как и положено: со слезами, воплями, диким воем убитой горем матери. Целую неделю Ирина не могла свыкнуться с потерей маленького сына, ночами майки да штаны слезами обливала, а днём ходила сама не своя, как неживая.

– Ирочка, поесть тебе надо, – Валя уговаривала дочь

съесть хотя бы кусок чёрного хлеба. – Ты вся серая стала, посмотри на себя. Не дай Бог и с тобой что-то случится, я же не переживу, – сквозь слёзы произнесла отчаявшаяся мать. – На-ка, съешь, – подсовывала корочку хлеба и стакан тёплого чая.

– Не хочу, – бормотала Ира, уставившись в окно. – Лучше бы я, чем он...

– Ты что такое говоришь? Побойся Бога, глупая, – слова дочери взбудоражили Валю. – А кто ж тогда будет за Алёшкой следить, я, что ли?

– Да хоть бы и ты, внук всё-таки, – поднявшись с табурета, Ира заплакала. – Господи, я не выдержу, – медленно зашагала в комнату.

– Нет уж, дорогая моя, своего Алёшку сама воспитывай, – прошептала Валя, глядя в спину уходящей Иры, – он мне и даром не нужен.

Не любит Валя старшего внука, вот хоть убей, не лежит к нему душа. А всё потому, что Ирка по залёту замуж за Колю вышла. Не было бы Алёшки – не сыграли б свадьбу, и неважно, что Ирке на тот момент аж двадцать пять годков стукнуло. Пора бы семью заиметь, а дочка не торопилась, пару достойную выбирала, вот и выбрала. Как ни отговаривала мать её от глупого поступка, не послушала дочь неразумная, по-своему сделала. А Валентина уже в мечтах пребывала о зяте достойном, не деревенском, так хоть из района.

– Был Васька Светляков, так нет же, за Кольку уцепи-

лась, – вышла на улицу покормить кур. – Сейчас бы уже на машине раскатывали и жили в большом доме, а не в этой халупе.

Прихватив в сарае ведро с зерном, встала в дверном проёме, потянула низ кофты, чтобы расправить складки на спине, и сказала с тяжёлым вдохом:

– Что одна, что другой – никто о моей старости не задумался. Денис весело живёт, а что ему? Выпил, вот и счастлив, а у меня душа болит... – шмыгнула носом, вспомнив о младшем внуке. – Валерочку похоронили, что теперь меня тут держит?

Горькие слёзы потекли градом. Валя стояла перед квохчущими пернатыми и жалела в душе мальчика. Внезапно послышался тонкий скрип двери, отвлёкший Валью от тягостной скорби. Подняв голову, втянула мокроту под носом и нахмурила брови.

– Куда пошёл? – это она на Алёшу гаркнула. – Бери, на, курей корми, а я не могу, что-то плохо мне.

Алёша послушно взял горстку зерна из ведра и рассыпал по двору со словами: «Кур-кур».

– Куда сыпешь, неуч? – обозлилась бабушка, не успев подняться на крыльцо. – В кормушку надо!

Дождавшись, пока внук распределит корм в кормушке, собралась уходить, но что-то её остановило.

– Ты уроки поделал? – Вале захотелось скинуть на внука своё не радужное настроение.

– Нет ещё, – ответив через силу, Алёша спешил сбежать к друзьям.

– Пока не сделаешь, никуда не пойдёшь.

– Я у мамы отпросился, она разрешила.

– Твоя мама не в себе от горя, а ты и пользуешься, – рыкнула Валя, спустившись на одну ступень. – Послезавтра девять дней, а тебя это не волнует, как я посмотрю.

Алёша стоял перед строгой бабулей, опустив голову и громко вздыхая. Быстрее бы она уже ушла, чтобы он мог спокойно смыться. Но Валя тянула время, придумывая новое занятие для нелюбимого внука.

– Батька твой тоже странный, мог бы и на две недели приехать, а сам побыл четыре дня и уехал. Жена тут убивается, слёзы льёт, а ему по барабану. Денег привозит, как кот наплакал. И что он там месяцами делает? Вон, у нас Витка ездит на заработки, так там сразу видно – платят прилично, а у нас что? Спасибо огороду и кормилице, иначе загнулись бы с голодухи.

Минут десять бабушка выговаривала Алёше о том, что наболело и как с этим быть. Мальчик пропускал мимо ушей каждое слово, от того и не расслышал вопроса.

– Чего молчишь? Я тебя спрашиваю или кого? – Валентине дай повод, а за что накричать на Алёшу, она сама найдёт. – Оглох?

– Что-о? – протяжно спросил Алёша, поглядывая на нервную бабулю исподлобья.

– Что-что? В магазин иди, соли в доме нет, а завтра ступень варить.

– Хм, – Алёшка замялся.

Опять бабушка ищет, чем нагрузить мальчонку, продыху не даёт: то одну работу даст, то другую выдумает, лишь бы на месте не сидел и с одноклассниками не встречался.

– Сейчас, – еле передвигая ногами, пошёл в дом за сумкой и деньгами.

– Шевелись, увалень, – этого бабуля и ждала: отвесить подзатыльника.

Шлёпнув внука по затылку, почувствовала облегчение.

Глава 4

Наступил девятый день, как не стало Валерочки. По традиции в доме собрались только родные, но Ирине захотелось позвать свою подругу Аллу, которая и подругой-то не была, а так – соседка по несчастью. Она тоже похоронила годовалого сына девять лет назад и как никто поддержала Иру в трудную минуту. Сидя за столом, Алла постоянно болтала о загробной жизни, рассуждала о том, что их дети пришли сюда на короткий срок не просто так, а для какой-то цели.

– М-да, чем дольше живу, тем больше удивляюсь: что водка с людьми делает? – Валентине надоело слушать пьяные бредни одинокой женщины. – Ты ещё скажи, что дурь о перерождении – это истинная правда.

– Да, правда, – утвердительно сказала Алла, захмелевшая от двух стопок. – Я недавно в Москву ездила к сестре, так она мне один журналчик почитать дала. Так там всё об этом написано. И называется это... – подняла глаза в потолок, пытаясь вспомнить странное слово. – Рикарция.

– Реинкарнация, – поправила Ирина гостью, не вникая в разговор.

– О, ты тоже об этом читала? Я под жутким впечатлением была, когда осознала всю суть научной статьи.

– Ну и врушка же ты, – хихикнула Валя, толкая пьяного мужа в бок, чтоб тот прекратил напиваться. – Всё, что дела-

ется на земле, только Богу известно. Только ему угодно отмерять, кому и сколько жить, а ты богохульствуешь.

– Валентина Анатольевна, если не верите, то и не надо, но не стоит обвинять меня во лжи. Этот факт не я выдумала, а в журнале умные люди напечатали.

– А ты больше слушай. Я тебе таких сказок сколько хочешь насочиняю, – Валя встала, чтобы убрать подальше стопку неугомонного мужа.

– Не хотите – не верьте, а я верю. Когда моего Саньки не стало, я ночами спать не могла. Тебе, Иришка, хорошо, у тебя Алёшка есть, а я одна, как перст, – всплакнула Алла. – Муж ушёл, а замуж я так и не пошла. Не смогла представить себя с другим, да и рожать больше не захотела. Вся моя жизнь в Санечке была. А как его не стало – я вместе с ним умерла.

– Ну и дура, – Валя никогда не отличалась сочувствием по отношению к посторонним людям, – жить надо, а не в прошлом копать. Как говорит батюшка в церкви: «Бог дал, Бог взял».

Алла никак не отреагировала на слова Валентины Анатольевны, выпила ещё стопку и решила выйти на улицу, перекурить свои воспоминания и поболтать с Ириной наедине. Вызвав скорбящую на перекур, встала, поблагодарила Валентину за вкусный обед, хотя было не к месту, принесла ей же искренние соболезнования и отошла к двери, чтобы надеть туфли. Ирине неожиданно тоже захотелось на свежий

воздух после слов Аллы. Поднимаясь из-за стола, резко остановилась, потому как мать поймала её за руку и потянула вниз.

– Я бы на твоём месте не общалась с ней, – шепнула неслышно на ухо дочери. – Несёт всякую ересь, книжки какие-то там читает. Не дай Бог затянет тебя в какую передрагу. Ты сейчас не в себе, запомни. Ирка, послушай мать: гони её и не зови сюда больше.

Ирина не слушала, стояла, нагнувшись, и смотрела в пол стеклянными глазами. Выговорившись, Валя отпустила руку Иры и погнала мужа на печку.

– Подымайся, алкаш чёртов, хватит меня позорить. Полежай-ка ты спать, неугомонный, – тянула разомлевшего мужа за руку и ругала вполголоса. – Да едрит твою налево! – Денис еле поднялся. Его затёкшие ноги не справились с качающимся телом, и мужчина рухнул под стол, утаскивая за собой белоснежную скатерть. – Да чтоб тебя! Денис! Отпусти, сейчас всю посуду побьёшь! Алёшка! Алёшка, иди помоги бабушке!

Но внук не откликнулся. Ещё час назад, посидев с семьёй за столом, ушёл гулять.

– Ах, чтоб вас всех, – раздражённо забубнила женщина, выволакивая мужа. – Нет от мужиков помощи в этом доме... Денис, вставай. Да не хватайся ты за скатерть! На, за руку мою берись и подымайся!

Пока Валя «воевала» с мужем, Алла сумела немного раз-

веселить Иру и вывести её из состояния заторможенности.

– Хорошая ты, Аллочка, – рассматривая худосочное лицо потенциальной подруги, Ирина только сейчас заметила множество морщин вокруг глаз молодой женщины, бездонные грустные глаза и натянутую улыбку.

«Надо же, такая молодая, но уже заезженная, как полудохлая лошадь, – подумала Ира, изумившись тонкой коже и серому цвету. – Тебе же и сорока нет».

– А сколько тебе лет? – нечаянно спросила вслух и тут же смутилась.

– Сорок, – выпустив едкий дым, ответила Алла и тут же задала вопрос. – Что, старо выгляжу?

– Нет, что ты! – Ирина почувствовала неловкость.

– Да брось, я знаю. Состарилась и очень сильно, – опять улыбнулась. – Вот и не держи в себе скорбь. Переключись на старшего сына, на хозяйство... Тем более, у тебя есть на что думки перебросить.

– Угу, – Ирина собралась плакать.

– Не вздумай, слышишь? Не плачь. Ему теперь хорошо. А вообще, твоя мама правильно сказала: Бог дал, Бог взял. Я только через семь лет это поняла, а толку? Жизнь упущена, – докурила сигарету и затоптала мыском туфли. – Ир, если хочешь, приходи ко мне. Подруг у меня нет и не было, а вот нас с тобой теперь одно горе связывает. Если не хочешь – не приходи. Я не настаиваю. Но знай, как только станет в душе мутно, прибегай. Я всегда тебя выслушаю.

– Спасибо, – глотнув, Ира повисла на шее Аллы и зарыдала: от горя по потере сына и от нечаянной радости – у неё теперь есть подруга.

Простояв в обнимку, женщины ощущали бешеное сердцебиение друг друга, будто два органа стучат в унисон, дополняя друг друга. Ира всхлипывала, а Алла стояла молча и поглаживала новоявленную подругу по спине. Надо же, живут столько лет в селе и никогда не общались. При встрече здоровались, на праздниках не обращали друг на друга внимание. А всё потому, что Алле было не до дружеских бесед. Она жила сама по себе, работала, занималась домашними делами и никогда ни с кем не делилась самым сокровенным. А попробуй Расскажи, как на душе тяжело, не каждый почувствует. Село есть село, распустят люди твою тайну на ниточки и навяжут с три короба. Вовек не отмоешься. А почему Ирина пригласила Аллу на поминки – только Богу известно. Видимо, захотелось разделить минуты скорби с таким же человеком, который сам пережил страшную трагедию. Поговорить, найти отдушину. Можно, конечно, и с матерью поделиться, но её разговоры сводятся к одному: Бог решает, кому сколько жить. Набожная слишком, от того и навязчивая. Не до Бога Ирине, не до понимания, за что он так поступает с людьми, беспощадно наказывает. Награждает болью на всю оставшуюся жизнь. А сейчас она ещё больше не воспринимает о нём информацию, не хочет слушать о молитвах, когда мать настаивает почитать на ночь, не желает принимать по-

терю сына за кару Божию.

Мужу поплакаться? А где он, муж этот? Нормальный муж приехал бы и поддержал, а Коля поступил по-скотски, мол, если часто просить выходные, то можно и с работой попрощаться. А тут Аллочка встретилась, когда Ира выходила из магазина. Алла первая заговорила о Валере, посочувствовала и дала понять, что многие теряют детей, поэтому надо держаться.

– Ирочка, – прошептала Алла, ощущая усталость во всём теле. – Пойду я.

– Хорошо, – неслышно ответила Ира. – Спасибо тебе.

– Да за что?

– За понимание. За поддержку, – отпрянув от худенького тела, Ира вытерла нос платком и выдохнула с шумом.

– Я ведь тебя отлично понимаю, поэтому согласилась прийти. Не вешай нос, Ира, надо жить.

Ирина внезапно поцеловала подругу в щёку и предложила зайти к ней в гости прямо сейчас, если она не против.

– Я сама хотела предложить, – глаза Аллы повеселели. – У меня и вино есть.

– Лучше чаю попьём. Мне нужно срочно сменить обстановку.

– И чай есть.

Взяв Ирину под руку, Алла повела её в свои двухкомнатные хоромы угощать чаем и рассказывать об интересной организации, в которой она состоит вот уже два года.

Загнав мужа на печь и убрав со стола, Валентина Анатольевна села перед телевизором и успокоилась, не заметив, как быстро задремала после небольшой нервотрёпки. Разбудил её звон посуды, доносящийся из кухни. Проспавшись, Денис Михайлович шарил в холодильнике в поисках спиртного, дабы освободиться от неприятного ощущения жжения в пищеводе и дикого сушняка.

– Ирочка! – Валя решила, что это дочь орудует в кухне. – Помой посуду. Мне что-то невмоготу!

Ответа не последовало. Растерев замлевшие ноги, Валя кое-как приподнялась, удерживаясь за подлокотник, помяла ноющую поясницу и направилась к дочери. Но в кухне её не оказалось.

– Спит уже, что ли? – немного удивилась, увидев мужа, доедающего винегрет. – А ты что здесь? Выспался?

Поправила волосы у лица и взглянула на часы с кукушкой.

– А что это? Восемь? А Ирка где? В сарае?

Денис молчал. Его помятое лицо и взъерошенные волосы по бокам заставили жену понервничать.

– Ты как чучело, ей-богу, – поставив руки на бока, Валя скривила рот. – Спишь да ешь. Ешь да спишь. Лучше бы посуду помыл, – бросила короткий взор на грудку тарелок в тазу. – А Ирка где?

– Не знаю. Что я, слежу за ней? – ответил с набитым ртом полусонный муж.

– А Лёшка?

– Во дворе.

– Ой, пойду посмотрю, чем этот лодырь занят, – вздохнула и ещё раз посмотрела на часы. – Коля так и не приехал. Наглец. Бессовестный наглец, – перевела взгляд на мужа и поморщилась. – Андрюшка, видимо, занят. Ответ не написал, не приехал – наверное, очень занят.

– Угу, – Денис поддержал догадки жены и сунул в рот полную ложку овощей.

Валентина высокомерно покачала головой и потопала проверять работу внука. Вышла на крыльцо и прислушалась. На улице – ни души. Валя потопталась у открытых дверей сарая, прошла к огороду, заглянула в сенник, где ребятишки любят прятаться, – пусто.

– Алёшка! – гаркнула на весь двор. – Где ты? Навоз вывез?

Со стороны сенника слышались шорохи и шептание.

Валя прищурила глаза и двинулась проверять, кто это там шепчется. Открыв нараспашку дверь, остолбенела. На полу перед у порога сидела Ирина, раскинув ноги и покачиваясь. В волосах сено, одежда измята, а в руке скрученный журнал.

– Ты что здесь забыла? – опешившая Валя пыталась мысленно оправдать появление дочери в битком набитом сеном сарае. – Свалилась, что ли?

– Угу, – промычала Ирина и попыталась подняться.

– Глянь, и на ногах не стоишь... – полушёпотом пролепетала Валя, наблюдая за дурацкими движениями поднимаю-

щейся с пола Иры. – Ты где ж так напилась, Ир?

– Ни-где-е, – ухватившись за лестницу, приставленную к плотно уложенному сему, икнула Ира.

– Подожди, завалишь. Так и пробьёт голову, – Валя убрала лестницу и помогла встать пьяной Ирке. – А это у тебя что? – опустила глаза на бумажную трубочку.

– Не твоё дело, – расхрабрилась Ира, – отойди, мне плохо. Подвинула мать и расхлябано добралась до открытой двери. Почувствовав свежий воздух, наклонилась и издала отвратительные звуки.

– Боже, ты ж не пьёшь, Ирка, – Валя встала позади. – Где ж ты так нахлебалась? Надеюсь, тебя никто не видел в таком виде...

Видели, и ещё как видели, потому как Ирина, пока шла к дому, успела пообщаться с некоторыми жителями деревни.

Пока дочь выворачивало наизнанку, Валентина стояла сзади и держала её волосы, чтобы не запачкались не пойми в какой жиже. Отвернув нос в сторону, морщилась, кривилась и старалась не дышать. Невозможно представить, что Ирка такого наелась и напилась, если по всему двору распластался шлейф омерзительнейшего аромата.

– Ну, скоро ты там? – Вале не терпелось спрятаться в доме. – Всё, или нет?

– Угу, – Ирине полегчало. Выпрямив спину, схватилась за потрёпанный дверной косяк и глубоко вдохнула.

– Ты где была, болезная? – обойдя дочь, Валентина встала

перед ней, зажав нос двумя пальцами. – Где успела-то?

– Нигде, – промычала пьяная женщина, отмахнув от лица надоедливую муху.

– О, даже насекомое знает, куда присесть. Тьфу, – плюнув себе под ноги, Валя шагнула к крыльцу.

– Ма-ам, – Ирину мотало из стороны в сторону. – Дай руку.

– Ох, дать бы тебе подзатыльника, да возраст уже не тот, – громко сказала Валя. – Что батька, что ты – одного поля ягода.

– Помолчи, а? – Ирине было не до промывки мозгов. Ей хотелось побыстрее лечь в постель и проснуться утром свеженькой, без похмелья.

Валя помогла дочери подняться по ступенькам, завела её в дом, умыла и положила спать, предварительно забрав журнал. Интересно же, зачем она его с собой таскает? Полистала, не выходя из комнаты, посмотрела картинки, статьи и ничего особенного не нашла. Журнал оказался двухгодичной давности, и Валя решила положить его на печь, чтобы было чем разжечь дрова.

– Ох и горюшко, – с укоризной посмотрела на спящую Ирину, скрючившуюся в позе эмбриона. – Не дай Бог, пойдёшь по батькиным стопам, я с тебя живой не слезу. Так и отхожу ремнём.

Закрыла дверь, потопталась у порога, прислушиваясь к лёгкому похрапыванию, подумала о чём-то и решила за-

няться хозяйством.

– И где этого оболтуса носит? – ругала Алёшку, подставляя под корову ведро. – Одна пьяная завалилась, другой шляется где-то...

Во дворе хлопнула калитка. Валя тяжело поднялась с маленького стульчика, поставила на него ведро и поторопилась отругать бессовестного внука за то, что он сбежал из дома, а скотина до сих пор не кормлена. Высунув голову наружу, присмотрелась. Сослепу не разглядела, кто пришёл, и сразу разинула рот:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.